А. Горбуновъ.

JN
1499

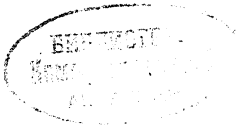
Гарантіи личной свободы въ Англіи.

Изд. Н. Е. Парамонова
„Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону.

10 к

J N
1499

Дозв. цензурою 5 марта 1905 года. Ростовъ на Дону.

425
35

Ростовъ на Дону.
Типографія Т-ва „Донская Рѣчь"
1905.

Гарантіи личной свободы въ Англіи.

А. Горбунова.

I.

Среди тѣхъ правовыхъ идеаловъ, осуществленія которыхъ такъ страстно жаждетъ въ настоящій моментъ все русское общество, свобода личности занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. Идеалъ этотъ не представляетъ собою національнаго продукта исключительно русской жизни. Исторія свидѣтельствуетъ, что не было народа, который не стремился бы обезпечить за своими членами свободу отъ произвола администраціи. И тѣ многочисленныя кровавыя жертвы, которыя принесло на алтарь свободы человѣчество, какъ нельзя лучше доказываютъ цѣнность и важность этого идеала. Объ его значеніи свидѣтельствуетъ также и то, что наряду съ свободой совѣсти, мысли, слова, свободой печати, публичныхъ собраній и ассоціацій, свобода личности была провозглашена въ XVIII в. политическими мыслителями «естественнымъ», «прирожденнымъ и неотчуждаемымъ правомъ», которое должно являться неприкосновенной святыней для самого государства. Вотъ почему въ 1789 г., когда созванные французскимъ королемъ представители сословій образовали Національное Собраніе, то первымъ дѣломъ этого собранія была выработка не конституціи, а списка основныхъ естественныхъ правъ. Такимъ путемъ возникла

знаменитая «Декларація правъ человѣка и гражданина *)». Подобныя деклараціи издавались впослѣдствіи неоднократно, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ государствахъ Европы. Англія въ данномъ отношеніи составляетъ поразительное исключеніе. Напрасно было бы искать въ законодательныхъ памятникахъ этой страны упоминанія о какихъ либо прирожденныхъ и естественныхъ правахъ личности. Но въ то же время свобода личности обезпечена въ Англіи отнюдь не менѣе, чѣмъ въ другихъ культурныхъ странахъ. Наоборотъ, въ то время, какъ въ послѣднихъ естественныя и прирожденныя права личности долгое время красовались лишь на бумагѣ, въ Англіи ихъ существованіе было обезпечено ранѣе и полнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Этотъ поразительный контрастъ между названными странами объясняется совершенно различнымъ ходомъ ихъ политическаго развитія.—Политическая исторія Англіи представляетъ собой многовѣковую борьбу англійскаго народа съ королевской властью,—борьбу, въ которой народъ постепенно, шагъ за шагомъ, обезпечивалъ себѣ гражданскую и политическую свободу, пока, наконецъ, верховная власть не очутилась почти всецѣло въ рукахъ представителей народа.

Политическая исторія Франціи представляетъ совершенно иную картину. Здѣсь, въ средніе вѣка, королевская власть была крайне слаба; но мало по малу, пользуясь взаимной отчужденностью сословій, она крѣпнетъ и сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю полноту верховной власти. Въ 17 вѣкѣ Людовикъ XIV могъ уже съ полнымъ основаніемъ говорить l'etat c'est moi**), а его жалкій преемникъ могъ безнаказанно руководствоваться принципомъ aprez

---

*) Происхожденіе, сущность и значеніе Декларації хорошо выяснены въ популярной брошюрѣ проф. Еллинэка. „Декларація правъ человѣка и гражданина". Переводъ подъ ред. А. Вормса. Изд. библіотеки для Самообразованія. Ц. 40 к.

**) Государство—это я.

nous le deluge *). Вполнѣ естественно, что подобные властители отнюдь не были склонны признавать и считаться съ какими бы то ни было правами подданныхъ. Продолжительное господство бюрократической опеки и полицейскаго произвола отразилось крайне гибельно на французской націи. Она утратила всякую способность къ общественной самодѣятельности, всякій политическій тактъ, привыкла полагаться во всемъ на правительство и свыклась въ значительной степени съ системой административной централизаціи и опеки. Вотъ почему французы оказались способными ради достиженія политической и гражданской свободы произвести революцію, измѣнить политическую карту всей Европы, но въ то же время обнаружили полную неспособность удержать за собой то, изъ за чего пролили столько своей и чужой крови, т. е. желанную свободу. Вотъ почему революція 1789 г. завершилась въ концѣ концовъ имперіей Наполеона I, а республика 1848 г. имперіей Наполеона III.

Сказаннаго достаточно, чтобы объяснить то исключительное предпочтеніе, какое оказывается Англіи при изученіи вопроса о необходимыхъ гарантіяхъ личной свободы. Вотъ почему и мы въ дальнѣйшемъ изложеніи сосредоточимъ наше вниманіе, главнымъ образомъ, на англійскихъ порядкахъ. Но для лучшаго уясненія этихъ порядковъ посмотримъ, какимъ путемъ и подъ вліяніемъ какихъ условій создавались они, пока не приняли того совершеннаго вида, какой признается за ними всѣми писателями безъ различія направленій **).

*) Послѣ меня пусть хоть наступаетъ потопъ!

**) Для лучшаго уясненія этого историческаго процесса крайне полезно знакомство съ исторіей Англіи; для этой цѣли краткимъ, но содержательнымъ и довольно популярнымъ пособіемъ можетъ служить «краткая исторія англійскаго народа» Грина въ русскомъ переводѣ подъ ред. Н. Шамонина, въ трехъ выпускахъ. Изд. научно-образовательной библіотеки.

Гар. лич. св. въ Англіи—5-52*.

II.

Любовь къ свободѣ и независимости искони была свойственна какъ тѣмъ германскимъ племенамъ, которыя, начиная съ X в. селились въ Англіи, такъ и покорившимъ ихъ въ XI в. норманамъ. Но всѣ стремленія этихъ народностей обезпечить себѣ свободу отъ чрезмѣрныхъ притязаній королевской власти долгое время оставались тщетными. Этому препятствовали сначала враждебныя отношенія, установившіяся между побѣжденными англосаксами и покорившими ихъ норманами, а, впослѣдствіи рознь между различными общественными классами. Вотъ почему однимъ изъ послѣдствій завоеванія Англіи Норманами было значительное усиленіе королевской власти въ ущербъ правамъ и вольностямъ народа. Правда, болѣе благоразумные короли давали обыкновенно торжественное обѣщаніе соблюдать эти права и вольности. Но подобнаго рода обѣщанія далеко не всегда соблюдались. Что же касается до такихъ носителей власти, которые болѣе думали объ удовлетвореніи своихъ личныхъ интересовъ и прихотей, чѣмъ о благѣ страны, то они, конечно, и подавно не церемонились съ правами народа.

Англичане долгое время сносили злоупотребленія королевской власти. Но когда на престолъ вступилъ Іоаннъ Безземельный, чаша народнаго терпѣнія переполнилась. Да и неудивительно. Будучи въ нравственномъ отношеніи крайне грязною личностью Іоаннъ въ то же время позволялъ себѣ такія вымогательства, насилія и злоупотребленія властью, что возстановилъ противъ себя всѣ слои и классы общества.

Это всеобщее недовольство значительно усилилось подъ вліяніемъ того позора, какимъ покрыла страну королевская политика. Въ войнѣ съ Франціей Англія лишилась всѣхъ своихъ французскихъ провинцій. Столкновенія короля съ папой повлекли за собой наложеніе на страну интердикта, вслѣдствіе чего прекратилось богослуженіе, перестали выполняться церковные обряды и требы. Не до-

вольствуясь этимъ, папа отлучилъ короля отъ церкви, объявилъ его лишеннымъ трона, подданныхъ освободилъ отъ вѣрноподданнической присяги, а на тронъ призвалъ соперника Іоанна, французскаго короля Филиппа. Іоаннъ не находя поддержки въ своемъ народѣ, покорился папѣ, и тотъ снялъ съ него отлученіе, но подъ условіемъ, что король признаетъ себя вассаломъ папы. Король согласился и отправился воевать съ Филиппомъ.

Въ его отсутствіе англійскіе бароны образовали въ союзѣ съ духовенствомъ заговоръ съ цѣлью заставить Іоанна соблюдать древнія признанныя за народомъ права и вольности. Жестокое пораженіе Іоанна при Бувинѣ послужило сигналомъ къ возстанію. Въ январѣ 1215 года вооруженные бароны явились къ королю и потребовали отъ него, чтобы онъ подтвердилъ старинныя вольности англійскаго народа. Король попросилъ времени на размышленіе, расчитывая собрать войско для борьбы съ баронами. Но расчеты его не оправдались. Между тѣмъ бароны изложили свои требованія въ особомъ документѣ и по окончаніи перемирія предложили королю подписать его. Ознакомившись съ документомъ, король пришелъ въ необыкновенную ярость. «Почему же вмѣстѣ съ этими несправедливыми требованіями бароны не потребуютъ и моего королевства»? съ злобной иронією заявилъ онъ; при чемъ самыя требованія назвалъ пустыми и безсмысленными и поклялся, что никогда не дастъ имъ такихъ вольностей, которыя его самого дѣлаютъ рабомъ. Но увы! Король вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, что на сторонѣ бароновъ весь народъ, а его поддерживаетъ лишь немногочисленная горсть приверженцевъ.. Волей неволей пришлось смириться и подписать составленную баронами хартію.

Эта «Великая хартія вольностей» *) представляетъ

*) Обстоятельное выясненіе происхожденія, содержанія и значенія этого знаменитаго законодательнаго памятника, равнымъ образомъ самый текстъ его, читатель можетъ найти въ брошюрѣ проф. Петрушевскаго «Великая Хартія Вольностей»: Изд. „Донская Рѣчь". Ц. 15 к.

изъ себя, по единодушному мнѣнію англійскихъ писателей, краеугольный камень англійской свободы. Все, что достигнуто англійскимъ народомъ со времени утвержденія этой хартіи, является ничѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ развитіемъ ея основныхъ положеній. И дѣйствительно.

Въ Великой Хартіи мы находимъ провозглашеніе того конституціоннаго принципа, въ силу котораго король можетъ устанавлять налоги не иначе, какъ съ согласія плательщиковъ,—принципа, послѣдовательное осуществленіе котораго ведетъ къ организаціи народнаго представительства, а вмѣстѣ съ нимъ и къ обезпеченію политической свободы.

Въ той же Великой Хартіи мы находимъ ясно и точно формулированнымъ и принципъ гражданской свободы.

Вотъ буквальный, довольно неуклюжій текстъ знаменитой 39-ой статьи Хартіи, провозглашающей этотъ принципъ. «Ни одинъ свободный человѣкъ да не будетъ схваченъ, ни посаженъ въ тюрьму, ни лишенъ насильственнымъ образомъ пользованія принадлежащей ему землею, вольностями и привилигіями, ни поставленъ внѣ закона, изгнанъ и подвергнутъ какимъ-либо инымъ образомъ разоренію; и мы не пойдемъ противъ него, иначе, какъ въ силу законнаго рѣшенія равныхъ ему лицъ или по закону страны».

Въ переводѣ на современный языкъ статья гласила бы такъ: никто не можетъ быть подвергнутъ аресту, высылкѣ, ссылкѣ, тюремному заключенію, штрафу и вообще какимъ-либо ограниченіямъ въ личныхъ или имущественныхъ правахъ иначе, какъ въ силу закона и по приговору суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Врядъ ли нужно доказывать значеніе только что приведеннаго принципа. Будь онъ осуществленъ, гражданская свобода была бы обезпечена въ Англіи какъ нельзя лучше. Точно такъ же, еслибы былъ осуществленъ вышеупомянутый принципъ налогового обложенія, была бы водворена и политическая свобода.

Но формулировать и торжественно провозгласить какой либо принципъ не значитъ еще обезпечить его господство въ дѣйствительной жизни. Средство, выбранное для осуществленія этой цѣли баронами, хотя и носило революціонный характеръ, но въ сущности было весьма наивно и ненадежно. Они избрали именно комитетъ изъ 25 бароновъ, обязанный наблюдать за исполненіемъ хартіи королемъ, съ правомъ объявлять ему войну въ случаѣ нарушенія ея постановленій. Установленіе подобнаго комитета не доставило, конечно, королю большого удовольствія. «Они поставили надо мною 25 опекуновъ» кричалъ Іоаннъ, катаясь въ припадкѣ ярости по полу. Но успокоившись, король принялся за интриги, на которыя былъ такой мастеръ. По его просьбѣ папа объявилъ недѣйствительной Великую Хартію и отлучилъ отъ церкви главныхъ виновниковъ возстанія. Затѣмъ, съ помощью нанятаго войска, Іоаннъ двинулся на разъединенныя силы бароновъ, одержалъ надъ ними нѣсколько побѣдъ, и лишь смерть помѣшала ему довести борьбу до конца. Девятилѣтній сынъ Іоанна не могъ, конечно, взяться за отстаиваніе своихъ верховныхъ правъ и подтвердилъ Великую Хартію. Но ни это, ни послѣдующія подтвержденія не могли обезпечить этой Хартіи строгого примѣненія. Уже одинъ тотъ фактъ, что въ теченіе двухъ столѣтій Великая Хартія 37 разъ подтверждалась, наказываетъ, какъ плохо она примѣнялась. Но этотъ же фактъ какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ о той настойчивости и лойальности, съ какою англичане добивались вольностей, и о томъ значеніи, какое придавали они своей хартіи. Она напоминала англичанамъ о томъ историческомъ моментѣ, когда ихъ предки соединенными и дружными усиліями заставили королевскую власть признать ихъ вольности. Подобнаго рода воспоминанія неоднократно побуждали общественные классы сплачиваться и возобновлять передъ короной свои требованія, дополняя ихъ новыми. Благодаря подобной настойчивости и пользуясь указаніями опыта, англичане сумѣли найти и вѣр-

ные способы обезпечить осуществленіе своихъ вольностей.

Справедливо полагая, что эти вольности могутъ быть прочно обезпечены лишь въ томъ случаѣ, если народу будетъ предоставлено право участвовать въ изданіи законовъ, установленіи налоговъ, назначеніи и контролированіи расходовъ, англичане всѣ усилія направили на пріобрѣтеніе этихъ политическихъ правъ. И уже въ концѣ XIII вѣка въ Англіи возникаетъ парламентъ, состоящій изъ палаты лордовъ или верхней палаты, въ которую входили представители высшей знати и духовенства, и палаты общинъ или нижней палаты, въ которую входили представители отъ дворянства и городскаго населенія.

Стремясь создать изъ парламента оплотъ политической свободы англичане хорошо понимали, что для обезпеченія гражданской свободы этого оплота еще недостаточно; что для осуществленія принципа, въ силу котораго никто не можетъ быть лишенъ свободы и имущества иначе, какъ по приговору суда, безусловно необходима хорошая организація судовъ. Съ этой цѣлью англичане предоставили отправленіе правосудія въ графствахъ *) мировымъ судьямъ, каковыми являлись не чиновники, а представители мѣстнаго населенія; способные въ меньшей степени поддаваться всевозможнаго рода вліяніямъ и внушеніямъ со стороны правительства. Съ той же цѣлью англичане сочли необходимымъ привлечь къ отправленію правосудія представителей общества въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, при чемъ, въ отличіе отъ другихъ странъ, въ Англіи эти засѣдатели стали принимать участіе не только въ судѣ, но и въ предварительномъ слѣдствіи, а также въ гражданскихъ дѣлахъ. Съ цѣлью, наконецъ, обезпечить лицамъ, неправильно арестованнымъ, возможность возвратить себѣ свободу, англійскіе юристы изобрѣли такое средство. Каждый, считавшій себя неправильно или незаконно арестованнымъ, могъ обратиться въ высшій судъ—т. н. «Судъ

*) Административныя подраздѣленія страны, соотвѣтствующія нашимъ губерніямъ.

королевской скамьи» съ просьбой выдать ему т. н. приказъ Habeas Corpus, *) обращенный къ частному или должностному лицу, задержавшему просителя, и требующій «представленія тѣла» (отсюда и названіе приказа—Habeas corpus) послѣдняго въ названный судъ. Выдавая этотъ приказъ, судъ предписывалъ задержавшему помимо представленія заключеннаго сообщить суду подробныя свѣдѣнія объ основаніяхъ какъ первоначальнаго задержанія, такъ и дальнѣйшаго заключенія въ тюрьмѣ просителя. По представленіи всѣхъ требуемыхъ свѣдѣній судъ разсматривалъ дѣло и затѣмъ постановлялъ или освободить данное лицо, или же отправить его въ тюрьму обратно.

Организаціей подобнаго контроля со стороны высшаго судебнаго трибунала надъ всѣми случаями лишенія свободы англичане расчитывали сдѣлать невозможнымъ сколько нибудь продолжительное лишеніе свободы по произволу короля и администраціи.

Такимъ образомъ, уже въ XIV вѣкѣ мы находимъ въ Англіи народное представительство въ лицѣ парламента и народные суды въ лицѣ мировыхъ судей, отправляющихъ правосудіе вмѣстѣ съ присяжными засѣдателями; къ этому же времени получила развитіе и удачно придуманная процедура для возвращенія свободы лицамъ, невинно и неправильно арестованнымъ. Казалось бы, что созданы всѣ условія для обезпеченія политической и гражданской свободы. Но достаточно заглянуть въ исторію Англіи разсматриваемаго времени, чтобы это предположеніе разсѣялось. Ни въ XIV, а еще болѣе въ XV вѣкѣ о сколько нибудь прочномъ обезпеченіи политической и гражданской свободы не можетъ быть и рѣчи. Да это и вполнѣ естественно. Переходъ отъ болѣе или менѣе деспотическаго

*) Хабеасъ корпусъ.—Латинское названіе приказа объясняется тѣмъ господствомъ, какое пріобрѣлъ латинскій языкъ въ теченіе среднихъ вѣковъ не только въ богослуженіи, наукѣ, литературѣ, но и въ законодательной и судебной практикѣ.

режима къ царству свободы и законности не можетъ произойти сразу. Не могъ совершиться быстро подобный переходъ и въ Англіи тѣмъ болѣе, что англичане являются народомъ глубоко консервативнымъ, отнюдь не сочувствующимъ сколько нибудь коренной ломкѣ существующаго строя. Вотъ почему и парламентъ и суды долгое время не могли какъ слѣдуетъ выполнять свою культурную миссію— стоять на стражѣ политической и гражданской свободы. Слишкомъ сильна была еще королевская власть, слишкомъ большимъ почетомъ пользовалась она еще въ глазахъ народа, несмотря на вопіющія злоупотребленія отдѣльныхъ ея представителей, и слишкомъ молоды, слабы и зависимы были парламентъ и королевскіе суды.

Особенно ярко сказалась слабость этихъ учрежденій въ эпоху Тюдоровъ съ (1485 по 1603 г). Способные, энергичные и властолюбивые короли этой династіи отнюдь не были расположены допускать какія либо ограниченія своей власти. Поэтому, не уничтожая парламента, — что могло бы возстановить противъ нихъ всю націю,—Тюдоры постарались превратить его въ послушное орудіе своей политики. Привлеченіемъ на свою сторону однихъ членовъ парламента, преслѣдованіемъ другихъ эта цѣль была въ общемъ достигнута. Еще болѣе успѣшно справлялись они съ отдѣльными лицами, которые почему либо казались имъ опасными. Арестъ, ссылка, полицейскій надзоръ и тюремное заключеніе—вотъ какія мѣры примѣнялись обыкновенно къ частнымъ лицамъ, и при томъ не въ силу судебнаго приговора, а просто по приказанію короля и его министровъ, и сплошь и рядомъ не за совершеніе какого-либо преступленія, а за одну только «злонамѣренность» или употребляя отечественную терминологію, за политическую неблагонадежность. Обращенія заключенныхъ въ Судъ королевской скамьи съ просьбой о выдачѣ приказа Habeas corpus оказывались обыкновенно безрезультатными, такъ какъ члены этого суда находились въ полнѣйшей зависимости отъ королевской власти и вмѣсто того, чтобы

стоять на стражѣ законности, предпочитали, по выраженію Бэкона *), положеніе львовъ у подножія трона, на которыхъ лежитъ обязанность охранять его отъ нападеній. Вслѣдствіе этого арестованные томились въ тюрьмахъ до тѣхъ поръ, пока королю и его министрамъ угодно было или освободить, или предать ихъ суду. Но и въ послѣднемъ случаѣ положеніе заключенныхъ было незавидное, такъ какъ съ цѣлью добиться желательныхъ приговоровъ администрація сама составляла списки присяжныхъ засѣдателей и подвергала послѣднихъ и судей наказаніямъ, если тѣ постановляли нежелательные правительству приговоры.—Не довольствуясь подобными способами воздѣйствія на суды, Тюдоры учредили рядъ особыхъ трибуналовъ, которые состояли изъ лицъ приближенныхъ къ королю, и вѣдали всѣ политическія дѣла. Такимъ трибуналомъ была, напримѣръ, «Звѣздная Палата», ставшая въ рукахъ короны послушнымъ орудіемъ преслѣдованія всѣхъ нежелательныхъ ей лицъ. О какихъ либо гарантіяхъ правосудія при разборѣ дѣлъ въ этомъ застѣнкѣ не могло быть, конечно, и рѣчи. Вообще процессы того времени, говоритъ англійскій писатель Джардинъ, были «чистою насмѣшкою надъ правосудіемъ, потому что въ рукахъ правительства они являлись лишь средствомъ губить непріятныхъ ему людей съ торжественной обстановкой, достаточной для того, чтобы навести страхъ на массы».—Всѣ отмѣченныя нами злоупотребленія королевской власти вызывали среди англійскаго народа сильное раздраженіе, а временами даже и протесты, исходившіе какъ отъ парламента, такъ и отъ судовъ. Но до болѣе острыхъ столкновеній съ королевской властью дѣло не доходило. Объясняется это тѣмъ, что послѣ продолжительной междоусобной войны Алой и Бѣлой розы страна жаждала покоя и мира. Кромѣ того высшая знать, многіе представители которой становились во главѣ всякаго освободительнаго движенія, послѣ названной войны

*) Знаменитый ученый, бывшій канцлеромъ при королѣ Генрихѣ VIII.

значительно сократилась; новые же пэры, обязанные своимъ званіемъ милости короля, естественно, не были расположены итти противъ него. Духовенство, которое также нерѣдко становилось въ ряды борцовъ за свободу, послѣ введенія въ Англіи протестантской религіи очутилось въ полнѣйшей зависимости отъ королевской власти. Такимъ образомъ, ряды борцовъ за свободу порѣдѣли и ослабѣли. Затѣмъ слѣдуетъ отдать Тюдорамъ справедливость. Своими талантами и способностями, умѣлымъ управленіемъ и необыкновенно удачной внѣшней политикой, выдвинувшей Англію на первый планъ сравнительно съ другими европейскими державами, они пріобрѣли необыкновенную популярность, которая значительно смягчала народное недовольство. Но примириться вполнѣ съ попираніемъ своихъ правъ и вольностей англичане, конечно, не могли; вотъ почему и недовольство все росло, и къ концу царствованія Елизаветы, оно приняло уже довольно грозный характеръ.

Новая династія Стюартовъ (съ 1603—1688 г.), къ которой перешла англійская корона послѣ смерти Елизаветы, не поняла опасности положенія и всѣ усилія направила на то, чтобы упрочить абсолютизмъ королевской власти. Но личные таланты, способности и нравственныя свойства Стюартовъ менѣе всего оправдывали подобныя притязанія. По тѣмъ несчастіямъ и позору, какой навлекли на Англію скандальное поведеніе, произволъ и неумѣлая политика Стюартовъ, время ихъ царствованія можно сравнить лишь съ царствованіемъ Іоанна Безземельнаго. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ борьба народа съ королевской властью приняла вскорѣ весьма острый характеръ. Короли пробовали управлять безъ парламента, облагали подданныхъ произвольными налогами и повинностями; но англичане отказывались платить налоги, не установленные парламентомъ, и королямъ волей неволей, приходилось созывать парламентъ; а парламентъ прежде чѣмъ утвердить бюджетъ, требовалъ устраненія злоупотребленій въ управленіи. Особенно рѣзко былъ

поставленъ этотъ вопросъ въ 1628 году при Карлѣ I. Этотъ король также пытался управлять безъ парламента, но въ концѣ концовъ, нуждаясь въ денежныхъ средствахъ вынужденъ былъ созвать его. И этотъ парламентъ, прежде чѣмъ вотировать какіе либо налоги, сталъ обсуждать вопросъ, какъ оградить вольности народа отъ нарушенія со стороны королевской власти. «Мы должны защитить наши старыя вольности,—сказалъ одинъ изъ уважаемыхъ членовъ палаты общинъ, Томасъ Уэнтвортъ, мы должны вернуть силу законамъ, созданнымъ нашими предками. Мы должны запечатлѣть ихъ такъ, чтобы духъ произвола не смѣлъ потомъ ихъ нарушать». Не обращая вниманія на рѣзкія и угрожающія посланія короля и на требованіе считать ихъ вольности подъ защитой «королевскаго слова», палата общинъ занялась выработкой закона объ огражденіи свободы; но по настоянію палаты лордовъ, не желавшей выступать рѣзко противъ королевской власти, законопроекту была придана форма ходатайства о возстановленіи права. Король послѣ нѣкотораго сопротивленія принялъ и утвердилъ это ходатайство.

«Петиція права»—таково подлинное названіе утвержденнаго королемъ ходатайства—по своему историческому значенію не уступаетъ Великой Хартіи Вольностей. Подобно Хартіи и Петиція права стремится оградить народъ отъ произвольнаго обложенія, лишенія свободы и имущества. Съ этой цѣлью Петиція приводитъ всѣ «добрые законы и статуты», которые издавались ранѣе съ указанною цѣлью; затѣмъ обстоятельно указываетъ на тѣ нарушенія этихъ законовъ, какія позволяли себѣ Стюарты, и въ заключеніе выражаетъ просьбу объ устраненіи подобныхъ злоупотребленій.

Чтобы дать болѣе ясное представленіе о законодательномъ памятникѣ, которымъ такъ гордятся англичане, мы приведемъ буквальный текстъ той части Петиціи, въ которой говорится о личной свободѣ. Соотвѣтственно отмѣченной системѣ и въ этой части сперва указывается на

Великую Хартію Вольностей и другіе законы, ограждавшіе личную свободу; затѣмъ говорится слѣдующее: «Тѣмъ не менѣе, въ противность смыслу названныхъ статутовъ и другихъ добрыхъ законовъ и статутовъ вашего королевства, предусматривающихъ ту же цѣль, многіе изъ вашихъ подданныхъ были въ послѣднее время подвергаемы тюремному заключенію безъ указанія на то какой-либо причины, и когда въ видахъ освобожденія они, въ силу королевскихъ приказовъ Habeas Corpus, были представляемы вашимъ судьямъ для того, чтобы подвергнуться допросу и выслушать постановленіе суда, и когда тюремные смотрители и лица, содержавшія ихъ подъ стражей, приглашались сообщить о причинахъ ихъ задержанія, никакой причины не было указываемо, кромѣ того, что они были задержаны вслѣдствіе спеціальнаго приказанія вашего величества, выраженнаго лордами вашего Тайнаго Совѣта, и несмотря на это, они были снова отсылаемы въ различныя тюрьмы, не будучи обвиняемы ни въ чемъ, на что они могли бы дать отвѣтъ согласно закону»... Въ виду всего этого, «лорды, духовные и свѣтскіе и общины, собранные въ парламентъ... покорнѣйше просятъ ваше величество, чтобы отнынѣ... ни одинъ свободный человѣкъ не былъ арестуемъ и подвергаемъ заключенію какимъ-либо изъ упомянутыхъ способовъ».

А вотъ и крайне характерное заключеніе Петиціи. «...Обо всемъ этомъ лорды и общины нижайше ходатайствуютъ передъ вашимъ величествомъ, какъ о своихъ правахъ и вольностяхъ, согласно съ законами и статутами этого королевства, и чтобы ваше величество соизволили объявить, что всѣ рѣшенія, дѣйствія и мѣры, состоявшіяся ко вреду вашего народа по упомянутымъ предметамъ, не будутъ впредь имѣть силу примѣровъ. А также да благоволитъ ваше величество милостиво объявить для спокойствія и благоденствія вашего народа вашу королевскую волю и желаніе, чтобы по всѣмъ вышеупомянутымъ предметамъ всѣ ваши чиновники и министры служили вамъ со-

гласно законамъ и статутамъ королевства, какъ того требуютъ достоинство вашего величества и благоденствіе этого королевства».

Приведенные отрывки Петиціи даютъ ясное представленіе о томъ умѣренномъ характерѣ, какимъ отличаются содержащіяся въ ней ходатайства: соблюденіе старинныхъ добрыхъ законовъ и статутовъ»—вотъ къ чему въ сущности сводится все содержаніе Петиціи. Тѣмъ не менѣе король и не подумалъ удовлетворить законныя требованія своего народа и опять сталъ управлять по старому, т. е. не созывая парламента и позволяя себѣ всевозможныя злоупотребленія. И снова нужда въ деньгахъ заставила короля созвать парламентъ. На этотъ разъ парламентъ собрался съ твердымъ намѣреніемъ прекратить злоупотребленія королевской власти съ этой цѣлью онъ добился упраздненія звѣздной палаты, суда Верховной Комиссіи и всѣхъ другихъ исключительныхъ судовъ при чемъ было, постановлено, что «ни король, ни его Тайный совѣтъ *) не имѣетъ и не долженъ имѣть какой либо юрисдикціи или власть какимъ либо произвольнымъ образомъ производить разслѣдованіе, постановлять рѣшенія и распоряжаться землями и имуществомъ кого-либо изъ подданныхъ королевства, которые должны быть судимы въ обыкновенныхъ судахъ въ обыкновенномъ законномъ порядкѣ». Уничтоженіемъ исключительныхъ судовъ парламентъ не удовольствовался. Съ цѣлью прекращенія произвола онъ предложилъ королю утвердить законъ, которымъ его власть значительно ограничивалась. Король отказался; произошло возстаніе; результатомъ междоусобной войны было пораженіе, взятіе въ плѣнъ и казнь короля, и провозглашеніе республики. Но эта форма государственнаго устройства до того противорѣчила преданіямъ, привычкамъ и воззрѣніямъ англичанъ, что просуществовала весьма недолгое время. Уже въ

*) Этотъ Совѣтъ состоялъ изъ лицъ, приближенныхъ къ королю, съ которыми онъ обсуждалъ и рѣшалъ дѣла государства.

1660 году была возстановлена монархія, и на престолъ былъ призванъ сынъ казненнаго короля—Карлъ II.

Этотъ государь не сумѣлъ воспользоваться уроками историческаго прошлаго и пошелъ по стопамъ своего отца. Снова парламенту пришлось взяться за отстаиваніе правъ и вольностей народа. На этотъ разъ успѣхъ борьбы сталъ рѣшительно склоняться на сторону парламента. Королю пришлось между прочимъ утвердить одинъ законъ, который получилъ извѣстность во всѣхъ культурныхъ странахъ земного шара. Мы подразумѣваемъ изданный въ 1679 г. «Актъ о лучшемъ обезпеченіи свободы личности и о предупрежденіи заключеній за моремъ», который обыкновенно называется сокращенно Habeas Corpus Act. Въ противность тѣмъ представленіямъ, которыя связываются обыкновенно съ этимъ закономъ, онъ не провозглашаетъ никакого новаго приципа и отличается крайне прозаическимъ, чисто дѣловымъ характеромъ. Содержаніе его сводится всецѣло къ прекращенію проволочекъ, уловокъ, обходовъ и всякаго рода злоупотребленій, какія практиковались ранѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда заключенные пытались возвратить себѣ свободу при помощи приказовъ Habeas Corpus. Съ этой цѣлью разсматриваемый законъ установилъ строгую отвѣтственность должностныхъ лицъ за подобнаго рода нарушенія. Такъ, напримѣръ, судьи Верховнаго суда за отказъ выдать приказъ Habeas Corpus подлежатъ въ силу разсматриваемаго закона уплатѣ штрафа въ 5000 р. на наши деньги, въ пользу потерпѣвшаго; тюремный смотритель за непредставленіе въ судъ заключеннаго и уклоненіе отъ дачи объясненій о причинахъ и обстоятельствахъ задержанія также подвергается штрафу въ пользу потерпѣвшаго въ первый разъ въ размѣрѣ 1000 р., во второй 2000 р. и увольненію отъ должности. Столь же скучный и прозаическій характеръ носятъ и другія постановленія Habeas Corpus Act'a, къ которымъ намъ придется еще вернуться впослѣдствіи. Вскорѣ послѣ изданія названаго акта Карлъ II умеръ, а при его преемникѣ Яковѣ II борьба парламента

съ королевской властью завершилась бѣгствомъ короля во Францію и призваніемъ на престолъ новой династіи въ лицѣ Вильгельма Оранскаго (въ 1688). Законодательнымъ актомъ, которымъ престолъ Англіи передавался новой династіи, обстоятельно перечислялись также политическія права, какъ парламента, такъ и отдѣльныхъ гражданъ. Отсюда и названіе этого знаменитаго акта «Декларація правъ». Она является какъ бы мирнымъ договоромъ, завершающимъ продолжительную и упорную борьбу между королевской властью и парламентомъ. Въ силу этого договора парламентъ признается такимъ же необходимымъ и постояннымъ органомъ верховной власти, какъ и король. И благодаря тому зависимому положенію, въ какомъ очутились пришлые короли, обязанные престоломъ парламенту и мало интересовавшіеся государственными дѣлами Англіи, парламенту удалось не только удержать завоеванную позицію, но даже значительно расширить свою власть и вліяніе. Вотъ почему политическое развитіе Англіи со времени изданія Декларації характеризуется уже не борьбой парламента съ короной, а развитіемъ парламентскаго режима и борьбой общественныхъ классовъ за избирательныя права, которая завершилась въ XIX в. предоставленіемъ послѣднихъ всѣмъ плательщикамъ налоговъ—Борьба за гражданскую свободу принимаетъ въ разсматриваемую эпоху также другой характеръ. Центръ тяжести ея сосредоточивается уже не въ борьбѣ за огражденіе личности отъ произвольнаго лишенія свободы, что уже было въ значительной степени достигнуто Habeas Corpus Act,омъ, но въ борьбѣ за вѣротерпимость, за свободу печати и публичныхъ собраній.

Не имѣя возможности останавливаться на всѣхъ сторонахъ политическаго развитія Англіи, мы приведемъ лишь тѣ немногіе законодательные акты, которые завершили огражденіе личной свободы. Первымъ такимъ актомъ, является уже упоминавшаяся Декларація правъ. Съ цѣлью облегчить арестованнымъ освобожденіе подъ поручитель-

ствомъ Декларація постановила, чтобы размѣръ той суммы, уплатить которую обязываются освобождаемый и его поручители, не было чрезмѣрнымъ. Та же Декларація постановила, что учрежденіе чрезвычайныхъ судилищъ незаконно и вредно, и что списки присяжныхъ должны составляться правильно.

Стремленіе Декларації оградить правосудіе отъ давленія и вліянія административной власти было завершено въ 1701 г., когда была установлена несмѣняемость судей.

Крайне важный законъ былъ изданъ въ 1816 году. До этого времени Habeas Corpus Act предоставлялъ защиту лишь такимъ лицамъ, которыя арестовывались по обвиненію или подозрѣнію въ совершеніи уголовнаго преступленія или проступка. Между тѣмъ лишеніе свободы практикуется нерѣдко по совершенно другимъ поводамъ, при чемъ и виновными оказываются не должностныя, а частныя лица. Такъ, напримѣръ, случалось, что совершенно здоровые люди заключались въ сумасшедшій домъ, женщины насильственно заключались въ монастырь, дѣти похищались у родителей и т. д.—Предоставленіе защиты всѣмъ этимъ лицамъ и явилось цѣлью новаго закона о Habeas Corpus.

Въ 1862 г. защита, предоставляемая обоими актами о Habeas Corpus, была распространена и на жителей англійскихъ колоній и владѣній... Мы прослѣдили, какъ постепенно развивалась и, все болѣе и болѣе, обезпечивалась личная свобода въ Англіи. Но прежде, чѣмъ перейти къ болѣе подробному изслѣдованію современныхъ гарантій свободы, я позволю себѣ обратить вниманіе на одну крайне характерную черту разсмотрѣннаго нами историческаго процесса. Если мы возьмемъ тѣ законодательные памятники, которые разграничиваютъ отдѣльныя стадіи этого цроцесса, т. е. Великую Хартію Вольностей, Петицію права и, главное,—знаменитый Habeas Corpus Act, то должны будемъ признать, что всѣ они отличаются необыкновенно сухимъ, дѣловымъ и даже казуистическимъ характеромъ.

Въ этомъ отношеніи ни одинъ изъ этихъ актовъ не выдержитъ сравненія съ французской «Декларацією правъ человѣка и гражданина», одно заглавіе которой звучитъ такъ благородно и красиво. «Но,—замѣчаетъ справедливо извѣстный англійскій ученый Дайси,—торжественно провозгласить право личной свободы, вещь, конечно, нетрудная, но въ большинствѣ случаевъ въ ней очень мало толку. Дѣйствительное затрудненіе заключается въ томъ, чтобы обезпечить пользованіе этимъ правомъ. Эта цѣль и достигается актами о Habeas Corpus; для свободы англичанъ они сдѣлали больше, чѣмъ можно было бы сдѣлать какимъ-либо угодно провозглашеніемъ правъ». «Вся исторія Habeas Corpus,—говоритъ далѣе тотъ же писатель,—служитъ иллюстрацією того преимущественнаго вниманія, какое обращаетъ англійская конституція на процессуальныя «средства», т. е. на способы судебной процедуры, которые обезпечиваютъ уваженіе къ законному праву и при помощи которыхъ это право изъ *номинальнаго* только становится вполнѣ *реальнымъ* правомъ. Акты о Habeas Corpus представляютъ въ сущности акты, имѣющіе процессуальное значеніе; ихъ цѣль улучшить юридическій механизмъ, посредствомъ котораго защищается признанное право свободы личности» *).

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этого юридическаго механизма, посмотримъ, въ какихъ случаяхъ и при наличности какихъ условій англійское право допускаетъ примѣненіе ареста. Лишь расширивъ такимъ образомъ постановку интересующаго насъ вопроса, мы про-

*) См. *Дайси.* Основы государственнаго права Англіи. Стр. 166—167. Въ этомъ сочиненіи всего одна глава посвящена праву личной свободы, но, въ виду тѣсной связи этого права съ остальными правами гражданской и политической свободы, мы рекомендовали бы ознакомленіе съ названнымъ сочиненіемъ всѣмъ, интересующимся вопросами конституціоннаго права; тѣмъ болѣе, что книжка Дайси необыкновенно содержательна и написана замѣчательно просто и ясно. Первое изданіе сочиненія разошлось; но скоро должно появиться второе въ изданіи „Библіотеки для самообразованія".

никнемъ въ самую глубь его и выяснимъ всѣ тѣ условія, при наличности которыхъ обезпечивается какъ личная свобода, такъ и безопасность общества и государства.

III *).

Съ формально-юридической точки зрѣнія англійское право различаетъ аресты, производимые въ силу особаго письменнаго приказа (warrant), и аресты, производимые безъ подобнаго приказа. Перваго рода аресты примѣняются по отношенію къ такимъ лицамъ, которые привлекаются къ уголовному дѣлу по обвиненію въ совершеніи какого-либо преступленія или проступка, что имѣетъ мѣсто, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если противъ нихъ имѣются какія-либо вѣскія и серьезныя улики. Право издавать подобные приказы предоставлено мировымъ судьямъ и членамъ Суда королевской скамьи. По отношенію къ лицамъ, обвиняемымъ въ совершеніи государственнаго преступленія, разсматриваемое право предоставлено также членамъ Тайнаго Совѣта и министрамъ. Другимъ административнымъ органамъ или полиціи право издавать приказы объ арестѣ не предоставлено. Но и министрамъ, а еще болѣе членамъ Тайнаго Совѣта пользоваться своимъ правомъ въ настоящее время не приходится по той простой причинѣ, что государственныя преступленія въ Англіи давно вышли изъ моды.

Кѣмъ бы предписаніе объ арестѣ ни было издано, оно должно удовлетворять цѣлому ряду формальныхъ условій. Оно должно быть прежде всего *спеціальнымъ*, ясно и точно обозначая то лицо, которое подлежитъ аресту и то

*) Лицамъ, которыя пожелали бы болѣе подробно ознакомиться съ изслѣдуемымъ въ настоящемъ очеркѣ вопросомъ, могутъ быть рекомендованы двѣ первыя главы книги В. Дерюжинскаго—«Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву».—Три послѣднія главы этого сочиненія и по темѣ, и по характеру разработки носятъ болѣе спеціальный характеръ. Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться: вообще сочиненіе Дерюжинскаго не расчитано на широкіе слои читающей публики.

преступленіе или проступокъ, въ совершеніи котораго оно обвиняется. Такіе приказы объ арестѣ, которые не удовлетворяютъ указанному требованію, незаконны, почему всякій арестуемый на основаніи такого приказа, можетъ оказать сопротивленіе, а если же, несмотря на это, онъ будетъ арестованъ, то имѣетъ право возбудить дѣло о неправильномъ заключеніи.

Предписаніе объ арестѣ должно быть далѣе скрѣплено оффиціальной подписью и печатью того должностного лица, которое выдало его. Неприложеніе печати лишаетъ предписаніе юридической силы.

Предписаніе объ арестѣ приводится въ исполненіе мѣстнымъ полицейскимъ констэблемъ *), который обязанъ ознакомить арестуемаго съ содержаніемъ предписанія. При производствѣ арестовъ полицейскимъ вмѣняется въ обязанность соблюдать вѣжливость и тактъ, воздерживаться отъ произнесенія оскорбительныхъ словъ и угрозъ и никогда не прибѣгать безъ нужды къ силѣ.

Если для ареста необходимо войти въ чье-либо жилище, констэбль обязанъ обратиться съ соотвѣтствующей просьбой къ его хозяину и лишь въ случаѣ отказа можетъ проникнуть въ него силой. Для производства обысковъ также необходимо особое предписаніе, которое также должно быть спеціальнымъ, т. е. въ немъ должны быть точно указаны тѣ помѣщенія, въ которыхъ долженъ быть произведенъ обыскъ и тѣ предметы, которые отыскиваются. При этомъ обыски должны производиться днемъ и въ присутствіи свидѣтелей.

Изъ сказаннаго видно, что аресты, производимые на основаніи особыхъ приказовъ, обставлены въ Англіи такими условіями, что гарантируютъ до нѣкоторой степени частныхъ лицъ отъ произвольнаго или легкомысленнаго лишенія свободы. Въ самомъ дѣлѣ! Вѣдь приказы объ арестѣ издаются обыкновенно судебными органами, хорошо

*) Такъ называются англійскіе городовые.

знакомыми съ законами, издаются, при томъ, лишь послѣ тщательнаго обсужденія и оцѣнки всѣхъ уликъ, говорящихъ въ пользу и противъ виновности арестуемаго. Кромѣ того, англійское право обставляетъ разсматриваемаго вида аресты столькими формальными условіями, что должностныя лица невольно побуждаются пользоваться своимъ правомъ ареста съ крайней осмотрительностью.

Но врядъ-ли нужно доказывать, что требовать выполненія отмѣченныхъ условій во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда является необходимость прибѣгнуть къ аресту, совершенно немыслимо. Въ противномъ случаѣ добрая половина всѣхъ преступниковъ и правонарушителей ускользнула бы отъ рукъ правосудія. Вотъ почему англійское право допускаетъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ арестъ безъ соблюденія описанныхъ формальностей.

Въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ допускается арестъ лицъ, застигнутыхъ на мѣстѣ преступленія, въ моментъ совершенія ими преступнаго акта или непосредственно послѣ совершенія, во время бѣгства. Если такимъ актомъ является государственное преступленіе, то арестъ виновника вмѣняется въ обязанность даже не только судебнымъ и полицейскимъ органамъ, но и частнымъ лицамъ, бывшимъ очевидцами преступленія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда совершается какое-либо маловажное правонарушеніе или проступокъ, право ареста значительно ограничивается и допускается лишь при совершеніи точно перечисленныхъ правонарушеній и при томъ лишь тогда, когда онъ является безусловно необходимымъ, когда, напримѣръ, виновный не имѣетъ опредѣленнаго мѣстожительства, и личность его не можетъ быть удостовѣрена.

Еще въ меньшихъ размѣрахъ допускаетъ англійское законодательство арестъ по подозрѣнію. Частнымъ лицамъ, напримѣръ, предоставляется право ареста лишь такихъ лицъ, относительно которыхъ они увѣрены, что они совершили государственное преступленіе; при чемъ, если окажется, что арестованный не совершилъ этого преступленія,

арестовавшее его лицо подвергается строгой отвѣтственности. Органамъ полиціи предоставлены, конечно, большія полномочія, они могутъ арестовать всякое лицо, по отношенію къ которому имѣютъ «разумное основаніе» подозрѣвать, что онъ совершилъ какое-либо государственное или тяжелое уголовное преступленіе; при чемъ они не подвергаются отвѣтственности, если окажется, что арестованное ими лицо не совершило преступленія, если только основанія къ подозрѣнію были дѣйствительно разумны. Что же касается лицъ, совершившихъ маловажный проступокъ или правонарушеніе, то арестовывать ихъ на основаніи подозрѣнія, хотя бы и основательнаго, ни полиція, а еще болѣе частныя лица, не имѣютъ права. Отъ этого общаго правила допускаются отступленія, но эти отступленія весьма немногочисленны и въ точности перечислены въ законахъ. Въ видѣ исключенія полиціи предоставляется, напримѣръ, право ареста лицъ, ночующихъ на улицѣ, и вообще всякихъ другихъ подозрительныхъ лицъ, которыя шатаются ночью и не въ состояніи дать правдоподобное объясненіе своему поведенію.

Вдумываясь въ тѣ случаи, когда англійское право допускаетъ арестъ не въ силу приказа, можно легко притти къ тому выводу, что оно пожертвовало интересами личной свободы ради обезпеченія цѣлей правосудія и общественной безопасности. Въ самомъ дѣлѣ! Вѣдь и предоставленіе права ареста частнымъ лицамъ и допущеніе ареста по одному только подозрѣнію, хотя бы и «разумному»,—все это открываетъ широкій просторъ усмотрѣнію полиціи и разнаго рода прискорбнымъ ошибкамъ, которые могутъ сдѣлать свободу личности совершенно призрачной. Развѣ при такихъ условіяхъ свобода личности можетъ быть обезпеченной? Подробнымъ и достаточно убѣдительнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужитъ все послѣдующее изложеніе. Пока лишь отмѣтимъ, что уже одно ознакомленіе съ дальнѣйшей судьбой арестованныхъ показываетъ, что англійскому законодательству далеко не чужды интересы личной свободы.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ, хотя бы то выставляемое имъ основное требованіе, въ силу коего всякій арестованный, кѣмъ бы и по какому поводу онъ ни былъ арестованъ, долженъ быть немедленно и, во всякомъ случаѣ, не позже 24 часовъ отведенъ къ тому или другому представителю судебной власти. Въ крайнемъ случаѣ, когда арестъ произведенъ не по приказу, и когда задержанный не можетъ быть представленъ въ судъ въ теченіе 24 часовъ, инспекторъ полицейскаго участка долженъ разслѣдовать дѣло и, если поводомъ къ задержанію послужилъ проступокъ, если личность задержаннаго удостовѣрена, и нѣтъ основаній предполагать, что онъ скроется, то инспекторъ обязанъ отпустить его на свободу, взявъ съ него достаточное обезпеченіе въ томъ, что онъ явится въ судъ. Въ случаѣ нарушенія упомянутыхъ условій, виновные органы полиціи могутъ подвергнуться уголовной отвѣтственности за противозаконное лишеніе свободы; серьезная отвѣтственность грозитъ имъ также и за суровое обхожденіе съ задержаннымъ.

Такимъ образомъ, всякій задержанный долженъ быть по возможности немедленно препровожденъ къ судьѣ, или къ тому самому, который выдалъ приказъ объ арестѣ, или же въ случаѣ ареста безъ предписанія, къ тому судьѣ, которому подсудно возникшее дѣло. Въ послѣднемъ случаѣ судья немедленно, - конечно, если это допускаетъ время и простота дѣла,—приступаетъ къ разбирательству и соотвѣтственно съ обнаружившимися данными или отпускаетъ на свободу задержаннаго или же приговариваетъ его къ соотвѣтствующему наказанію.

Если же дѣло неподсудно судьѣ или не можетъ быть рѣшено въ одномъ засѣданіи, судья приступаетъ къ такъ называемому предварительному слѣдствію (examination) съ цѣлью выяснить, главнымъ образомъ, слѣдуетъ ли задержанное лицо предать суду, и если да, то какую мѣру примѣнить къ нему, чтобы обезпечить его явку въ ту судебную инстанцію, которой подсудно возникшее дѣло. Слѣдствіе происходитъ обыкновенно публично и начинается съ до-

проса свидѣтелей, сперва со стороны обвинителя, затѣмъ со стороны обвиняемаго. Этому послѣднему или его защитнику предоставляется право предлагать перекрестные вопросы каждому изъ свидѣтелей. Послѣ опроса послѣднихъ судья предлагаетъ обвиняемому сказать что-нибудь въ отвѣтъ на взводимое противъ него обвиненіе, предупреждая, что онъ можетъ и ничего не говорить, но, что, если что нибудь скажетъ, то это будетъ занесено въ протоколъ и можетъ быть употреблено противъ него во время разбирательства дѣла въ уголовномъ судѣ. Добиваться отъ обвиняемаго сознанія или даже отвѣта на какіе либо вопросы судья не имѣетъ права.

На основаніи выяснившихся данныхъ судья постановляетъ рѣшеніе или о прекращеніи дѣла и освобожденіи арестованнаго, если обвиненіе оказалось несостоятельнымъ, или о преданіи его уголовному суду. Въ послѣднемъ случаѣ обвиняемый отводится въ особое помѣщеніе, установленное для предварительнаго заключенія, или же освобождается подъ извѣстнымъ обезпеченіемъ или поручительствомъ. Это поручительство состоитъ въ томъ, что арестованный и двое или болѣе его знакомыхъ даютъ письменное обязательство уплатить извѣстную сумму денегъ въ томъ случаѣ, если тотъ не явится въ назначенное время въ судъ. Такимъ путемъ обезпечиваются въ равной степени интересы какъ обвиняемыхъ, такъ и правосудія. Въ интересахъ личной свободы англійское законодательство допускаетъ освобожденіе подъ поручительствомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Даже обвиняемые въ государственныхъ преступленіяхъ могутъ быть отпущены на поруки, но только министрами или Верховнымъ Судомъ. Лица же, обвиняемые въ другихъ преступленіяхъ, могутъ быть освобождены на поруки мировыми судьями. Наконецъ, лица, обвиняемыя въ маловажныхъ проступкахъ, обязаны быть отпущены на поруки. Желая дать возможность воспользоваться разсматриваемой мѣрой и лицамъ малосостоятельнымъ, законъ поставляетъ, что при опредѣленіи размѣра поручительства судья долженъ сообразоваться какъ съ характеромъ преступленія, такъ и

съ имущественнымъ положеніемъ обвиняемаго и его поручителей. Отказъ въ освобожденіи подъ поручительствомъ, когда таковое обязательно въ силу закона, а равнымъ образомъ требованіе «чрезмѣрнаго обезпеченія» составляетъ важное нарушеніе права личной свободы, за которое виновные подвергаются строгой судебной отвѣтственности.

Изъ сказаннаго видно, въ какой сильной степени англійское законодательство проникнуто стремленіемъ всякое сколько нибудь продолжительное лишеніе свободы поставить въ исключительную зависимость отъ судебной, а не административной или полицейской власти; но и судебной власти оно отнюдь не представляетъ полной свободы дѣйствій, а, наоборотъ, обставляетъ послѣднія цѣлымъ рядомъ условій, продиктованныхъ стремленіемъ обезпечить интересы личной свободы допустить лишеніе свободы лишь въ тѣхъ случахъ, когда того безусловно требуютъ интересы правосудія и безопасности.

Такимъ образомъ, уже разсмотрѣнныя нами постановленія англійскаго законодательства ограждаютъ въ достаточной степени свободу личности. Но въ англійскомъ правѣ существуютъ несравненно болѣе солидныя гарантіи личной свободы. Въ числѣ ихъ почетное мѣсто занимаетъ защита, предоставляемая арестованнымъ лицамъ актами о Habeas Corpus. Къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ этой гарантіи мы и переходимъ.

IV.

Сущность той процедуры, которая была установлена актами о Habeas Corpus для возвращенія свободы лицамъ, неправильно или незаконно задержаннымъ, уже была охарактеризована въ историческомъ очеркѣ. Теперь намъ предстоитъ ознакомиться нѣсколько подробнѣе съ отдѣльными стадіями этой процедуры.

Прежде всего возникаетъ вопросъ: на кого распространяется защита, предоставляемая актами о Habeas Cor-

pus? Отвѣтить на этотъ вопросъ нетрудно: Благотворное дѣйствіе этихъ законовъ распространяется на всѣхъ лицъ, лишенныхъ свободы въ предѣлахъ англійской территоріи; но характеръ защиты, представляемой этими законами, различается въ зависимости отъ поводовъ задержанія: лицамъ, задержаннымъ по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ, предоставляется лишь право требовать, чтобы ихъ дѣло было разсмотрѣно судомъ въ ближайшую сессію; если этого не будетъ, они должны быть освобождены на поруки; если же ихъ дѣло не будетъ рѣшено и въ слѣдующую сессію, то они подлежатъ полному освобожденію, такимъ образомъ по отношенію къ разсматриваемой категоріи лицъ Habeas Corpus Act ограничивается обезпеченіемъ имъ скораго суда.

Болѣе широкую защиту предоставляютъ акты о Habeas Corpus всѣмъ остальнымъ категоріямъ лицъ, лишеннымъ свободы. Всѣ они имѣютъ право просить о выдачѣ приказа Habeas Corpus, въ силу котораго они сами и ихъ дѣло препровождаются въ Верховный Судъ, который разсматриваетъ и рѣшаетъ вопросъ о правильности и законности ареста или заключенія.

Просить о выдачѣ приказа Habeas Corpus могутъ стало быть, за вышеупомянутымъ исключеніемъ всѣ лица, обвиняемыя въ совершеніи преступленій и проступковъ; то же право признается въ нѣкоторыхъ случаяхъ и за лицами, уже осужденными, лишенными свободы въ силу судебнаго приговора.

Такъ, въ 1798 г. Вольфъ Тонъ, ирландскій бунтовщикъ, принялъ участіе въ нападеніи французовъ на Ирландію. Военный корабль, на которомъ онъ находился, былъ взятъ въ плѣнъ, и Вольфъ Тонъ былъ представленъ въ военный судъ въ Дублинѣ. Его приговорили къ повѣшенію. Но онъ не былъ англійскимъ офицеромъ, такъ какъ числился только на службѣ французской республики. Въ день казни было представлено въ Ирландскій Судъ Королевской Скамьи требованіе приказа Habeas Corpus на томъ основаніи, что

Вольфъ Тонъ не принадлежитъ къ военному сословію, поэтому не можетъ быть осужденъ военнымъ судомъ и что, такимъ образомъ, офицеры, судившіе его, пытались незаконно примѣнить военное право. Судъ Королевской Скамьи тотчасъ же выдалъ приказъ.

— Просить о выдачѣ приказа Habeas Corpus могутъ, далѣе, и такія лица, которыя лишены свободы не должностными лицами и не въ интересахъ правосудія, а частными лицами въ силу чисто личныхъ мотивовъ; если напр. женщина заключена въ монастырь или какой либо притонъ, если ребенка похитили отъ родителей или даже только задержали противозаконно въ школѣ или пріютѣ, —если здороваго человѣка заключили въ больницу для душевно-больныхъ,—во всѣхъ этихъ случаяхъ потерпѣвшіе могутъ обратиться въ Верховный судъ съ просьбой о выдачѣ приказа Habeas Corpus. Въ 1773 г. получилъ свободу такимъ путемъ даже одинъ невольникъ, Джемсъ Соммерсетъ, находившійся въ кандалахъ на бортѣ корабля, который стоялъ въ Темзѣ и отправлялся въ Ямайку.

Тѣмъ же самымъ путемъ была бы освобождена несомнѣнно изъ больницы и несчастная принцесса Луиза Кобургская, будь она заключена только въ Англіи, тогда какъ на родинѣ она могла освободиться послѣ нѣсколькихъ лѣтъ заключенія лишь путемъ бѣгства *).

Просить о выдачѣ приказа Habeas Corpus могутъ не только англичане или англійскіе подданные, но всѣ иностранцы, къ какой бы націи или государству они ни принадлежали. «Всякій чужеземецъ,—по удачному выраженію Патерсона,—разъ онъ дышетъ воздухомъ Англіи,

---

*) Дочь бельгійскаго короля Леопольда, выданная имъ насильно за австрійскаго принца, Филиппа Кобургскаго. Стремленія принцессы разойтись съ мужемъ и сойтись съ любимымъ человѣкомъ повели къ тому, что ее признали душевно-больной учредили надъ ней опеку и содержали подъ строгимъ надзоромъ въ разнаго рода санаторіяхъ. Осенью 1904 г. принцессѣ удалось убѣжать въ Парижъ.

есть какъ бы природный англичанинъ». Вслѣдствіе этого иностранецъ, совершившій на родинѣ преступленіе и задержанный англійской полиціей для выдачи своему правительству, имѣетъ право просить о выдачѣ приказа Habeas Corpus и, навѣрное, получитъ его, если судъ найдетъ, что выдача его противорѣчитъ или не предусмотрѣна договорамъ Англіи съ даннымъ государствомъ о взаимной выдачѣ преступниковъ. Англія, напр., ни съ однимъ государствомъ не заключала договора о взаимной выдачѣ политическихъ преступниковъ. Вотъ почему, если бы англійское правительство, желая оказать любезность какому либо иностранному правительству, арестовало его подданнаго, совершившаго на родинѣ политическое преступленіе, то арестованный съ помощью приказа Habeas Corpus несомнѣнно былъ бы освобожденъ.

Помимо самого заключеннаго просить о выдачѣ приказа Habeas Corpus могутъ наконецъ, его довѣренные, родственники, друзья и, наконецъ, всякое постороннее лицо, которое считаетъ, что онъ лишенъ свободы неправильно или противозаконно.

«Прошеніе о выдачѣ приказа Habeas Corpus адресуется въ одно изъ отдѣленій Верховнаго суда, должно быть облечено въ форму «письменнаго требованія» и подписано двумя свидѣтелями. Если заключеннымъ является лицо, обвиняемое въ совершеніи уголовнаго преступленія, то къ прошенію должна быть присоединена копія съ постановленія, въ силу котораго лицо содержится въ заключеніи. Если тюремщикъ «по прошествіи шести часовъ со времени предъявленія требованія этой копіи не выдастъ ея, то онъ подлежитъ штрафу въ пользу обвиняемаго или пострадавшаго, въ первый разъ въ размѣрѣ 100 фунтовъ стерлинговъ, въ случаѣ вторичнаго отказа—200 ф. ст. и увольненію отъ должности безъ права вновь занять ее» *). Предъяви-

*) Фунтъ стерлинговъ равняется приблизительно нашимъ десяти рублямъ.

тель же прошенія долженъ въ этомъ случаѣ представить удостовѣреніе подъ присягой, что на просьбу его о выдачѣ копіи съ постановленія послѣдовалъ отъ тюремщика отказъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда заключеннымъ является лицо, задержанное кѣмъ-либо по чисто личнымъ мотивамъ, никакихъ формальностей при подачѣ прошенія о выдачѣ приказа Habeas Corpus не требуется.

Получивъ прошеніе, судъ, а въ вакаціонное время одинъ изъ особо избираемыхъ «вакаціонныхъ судей», разсматриваетъ его и въ большинствѣ случаевъ выдаетъ требуемый приказъ. Отказать въ выдачѣ послѣдняго судъ можетъ лишь въ томъ случаѣ, если задержанный обвиняется въ государственной измѣнѣ или тяжкомъ уголовномъ преступленіи, или же, если онъ лишенъ свободы по судебному приговору. Точно такъ же, если въ прошеніи не указано никакихъ основаній, которыя давали бы поводъ предполагать, что заключеніе незаконно, и что заключенный имѣетъ право на «облегченіе въ своемъ положеніи», судъ также вправѣ отказать въ выдачѣ приказа. «Если бы приказъ Habeas Corpus—говоритъ по этому поводу знаменитый англійскій юристъ Блэкстонъ,—выдавался во всякомъ случаѣ, безъ указанія передъ судомъ или судьей какого-либо разумнаго основанія къ его выдачѣ, то любой измѣнникъ или тяжкій уголовный преступникъ приговоренный къ смертной казни, могли бы вслѣдствіе Habeas Corpus получить временное освобожденіе, хотя, будучи приведены въ судъ, они, конечно, сейчасъ же были бы снова отправлены въ заключеніе».

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ приказъ Habeas Corpus выдается обязательно, и судья, который «въ вакаціонное время, по предъявленіи ему копіи съ предписанія о задержаніи или удостовѣренія подъ присягою о томъ, что въ этой копіи было отказано, не выдастъ приказа Habeas Corpus», подвергается штрафу въ 500 ф. стерлинговъ.

Форма приказа Habeas Corpus слѣдующая:

«Эдуардъ, Божьею милостью, Король соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, защитникъ вѣры.

Смотрителю нашей тюрьмы въ... или его помощнику привѣтъ. Повелѣваемъ вамъ, чтобы вы къ (такому то числу) представили въ судъ нашъ предъ нашимъ лицомъ въ Уэстминстеръ тѣло N. N. арестованнаго и заключеннаго, какъ говорятъ, въ вашу тюрьму подъ вашей охраной, а вмѣстѣ съ тѣмъ указали день и причину взятія дальнѣйшаго задержанія названнаго N. N. подъ какимъ бы именемъ онъ ни былъ тамъ обозначенъ,—для того, чтобы выслушать и принять къ исполненію всѣ вообще и каждое въ частности изъ тѣхъ постановленій, которыя нашъ судъ сдѣлаетъ по этому поводу: приказъ этотъ вы должны тогда имѣть при себѣ.

Далѣе слѣдуютъ подписи и обозначеніе времени выдачи. Вѣрно. Томасъ Лордъ Денманъ, дано въ Уэстминстерѣ..... въ (такой то) годъ нашего царствованія.

По приказу суда
(подпись)

По просьбѣ N. N.
Адресъ и подпись довѣреннаго N. N.

Получивъ изъ суда приказъ Habeas Corpus, повѣренный, родственникъ или иной кто дѣйствуетъ въ интересахъ заключеннаго, представляетъ его тюремному смотрителю, въ тюрьмѣ котораго содержится заключенный. Смотритель въ назначенный приказомъ срокъ обязанъ представить въ судъ заключеннаго и указать въ особомъ письменномъ отзывѣ время, причины и обстоятельства, какъ тѣ, въ силу которыхъ тотъ былъ первоначально задержанъ, такъ и тѣ, въ силу которыхъ онъ былъ заключенъ въ тюрьму. Отзывъ долженъ отличаться безусловной точностью и обстоятельностью. Если онъ составленъ въ общихъ, уклончивыхъ и неопредѣленныхъ вы-

раженіяхъ и возбуждаетъ, хотя бы малѣйшее сомнѣніе въ справедливости содержащихся въ немъ данныхъ, составитель его подвергается аресту и уголовной отвѣтственности за «презрѣніе къ суду». Кромѣ отзыва суду долженъ быть представленъ и выданный имъ приказъ; представленіе его копіи также разсматривается, какъ «презрѣніе къ суду». На представленіе заключеннаго дается срокъ отъ 3 до 20 дней въ зависимости отъ разстоянія мѣста заключенія отъ мѣстопребыванія суда. Законными поводами непредставленія заключеннаго считаются лишь болѣзненное состояніе его или же отсутствіе самого факта заключенія. Малѣйшее неповиновеніе суду или даже простое промедленіе въ исполненіе приказа Habeas Corpus грозитъ тюремному смотрителю уже упоминавшимся наказаніемъ.

Немедленно послѣ привода заключеннаго и представленія отзыва тюремнаго смотрителя соотвѣтствующее отдѣленіе Верховнаго Суда приступаетъ къ изслѣдованію того, законно ли или нѣтъ подвергнуто данное лицо лишенію свободы. При чемъ, если задержанный обвиняется въ какомъ либо уголовномъ преступленіи, и его задержаніе сопровождалось предварительнымъ судебнымъ слѣдствіемъ, на которомъ всѣ обстоятельства дѣла подверглись провѣркѣ, то судъ ограничивается разборомъ дѣла лишь съ точки зрѣнія права, т. е. провѣряетъ, напр., соблюдены ли были при арестѣ установленныя закономъ формальности, не превысилъ ли полицейскій или мировой судья своихъ полномочій и т. д. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ лишенія свободы судъ занимается также провѣркой и фактическихъ данныхъ.

Произведя, такимъ образомъ, разслѣдованіе присланнаго дѣла, судъ постановляетъ рѣшеніе. Если въ результатѣ этого разслѣдованія обнаружится полная противозаконность ареста, судъ совершенно освобождаетъ заключеннаго. Если же арестъ былъ произведенъ съ соблюденіемъ установленныхъ законныхъ формъ и при наличности достаточнаго основанія, но если законъ допускаетъ въ дан-

номъ случаѣ освобожденіе на поруки, то судъ освобождаетъ заключеннаго, если онъ и его знакомые представятъ поручительство. При этомъ въ отличіе отъ мировыхъ судей Верховный Судъ можетъ освободить на поруки всякаго задержаннаго, хотя бы имъ былъ политическій преступникъ. Лицо, освобожденное въ силу Habeas Corpus, уже не можетъ быть снова лишено свободы за то же самое преступленіе. Виновные въ нарушеніи этого постановленія подвергаются штрафу въ размѣрѣ до 500 ф. стерл. Если же, наконецъ, основанія къ задержанію будутъ найдены достаточными и законными, и судъ не сочтетъ возможнымъ отпустить задержаннаго на поруки, то онъ постановляетъ рѣшеніе объ обратной его отсылкѣ въ мѣсто заключенія.

Такова та гарантія личной свободы, которая установлена актами о Habeas Corpus и которая,—слѣдуетъ замѣтить, существуетъ только въ Англіи и бывшихъ ея колоніяхъ—Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Сущность этой гарантіи состоитъ въ томъ, что благодаря ей всѣ лица, неправильно или незаконно арестованные получаютъ возможность возвратить себѣ свободу.

Но въ англійскомъ правѣ существуютъ и другія гарантіи личной свободы, заслуживающія отнюдь не меньшаго вниманія, чѣмъ процедура Habeas Corpus Act. Одной изъ такихъ гарантій является оригинальная организація судебной отвѣтственности должностныхъ лицъ за произвольное или неправильное лишеніе свободы.

V.

Чтобы лучше выяснить особенности англійской системы отвѣтственности должностныхъ лицъ, сравнимъ ее съ французской системой, послужившей образцомъ подражанія для многихъ другихъ государствъ Европы, въ томъ числѣ и для Россіи. Сущность французской системы состоитъ въ томъ, что должностныя лица не могутъ быть привлечены къ уголовному или гражданскому суду иначе, какъ съ

разрѣшенія ихъ начальства. Ну, а начальство, желая охранить престижъ власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ боясь скомпрометтировать себя, всегда предпочитаетъ не доводить дѣла до суда. Подобная система отвѣтственности или, вѣрнѣе, безотвѣтственности должностныхъ лицъ, такъ сильно укоренилась во Франціи, что даже современное республиканское правительство не рѣшилось на сколько нибудь радикальную реформу ея. А между тѣмъ, благодаря этой системѣ во Франціи въ теченіе всего XIX в. ни разу не было еще случая, чтобы за произвольное лишеніе свободы былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственсти хотя бы одинъ сколько нибудь видный представитель судебной, административной или полицейской власти. Да и низшіе то представители полиціи привлекались къ суду лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Между тѣмъ произвольные аресты и высылки практиковались во Франціи до послѣдняго времени довольно таки часто и, временами, въ весьма значительныхъ размѣрахъ.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ Англіи. Здѣсь всѣ, начиная съ нищаго и кончая членами королевской фамиліи, подлежатъ за нарушенія закона судебной отвѣтственности передъ общими для всѣхъ судами и въ одинаковомъ для всѣхъ порядкѣ. Какія либо отступленія отъ этого порядка ни для кого не допускаются *). Вслѣдствіе этого даже солдаты, моряки и вообще всѣ тѣ лица, которыя въ силу своего служебнаго положенія подлежатъ особой отвѣтственности передъ особыми судами или дисциплинарными присутствіями, и тѣ отнюдь не освобождаются отъ отвѣтственности за правонарушенія передъ общими судами. Солдатъ, напримѣръ, который, стрѣляя по приказанію офицера, убилъ кого-нибудь, несомнѣнно долженъ будетъ отвѣтить за убійство

*) Слѣдуетъ оговориться, впрочемъ, что лорды и ихъ *старшіе* сыновья судятся палатой лордовъ. Подобный порядокъ является остаткомъ глубокой старины, когда каждый долженъ былъ судиться судомъ равныхъ ему по общественному положенію лицъ.

передъ общимъ судомъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Въ силу этого равенства всѣхъ передъ судомъ не освобождаются отъ судебной отвѣтственности ни судьи, ни представители администраціи или полиціи, при чемъ никакого разрѣшенія начальства для привлеченія ихъ къ суду не требуется. Мало того, приказаніе начальства или даже самого короля не можетъ послужить оправданіемъ въ совершеніи несправедливаго или противозаконнаго поступка. Всякій долженъ *лично* отвѣчать за всякій проступокъ, въ совершеніи котораго онъ принималъ то или другое участіе. Строго придерживаясь принципа личной отвѣтственности англійскіе суды въ то же время преслѣдуютъ всякое нарушеніе права, хотя бы оно состояло въ невыполненіи какой либо формальнности и не сопровождалось сколько-нибудь серьезнымъ ущербомъ.

Этихъ принциповъ придерживаются англійскіе суды и при рѣшеніи дѣлъ о незаконномъ лишеніи свободы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда оно было произведено вслѣдствіе злобы, ненависти и тому подобныхъ чисто личныхъ и преступныхъ мотивовъ, потерпѣвшій можетъ привлечь виновныхъ къ уголовной отвѣтственности и добиться наказанія ихъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда лишеніе свободы не носитъ преступнаго характера, но произошло при нарушеніи установленныхъ закономъ условій и порядка лишенія свободы, а также и въ томъ случаѣ, если потерпѣвшій добивается не наказанія виновныхъ, а лишь того, чтобы они возмѣстили матеріальный ущербъ,—во всѣхъ этихъ случаяхъ потерпѣвшіе могутъ преслѣдовать виновныхъ путемъ «иска о неправильномъ заключеніи».

Я позволю иллюстрировать сказанное нѣсколькими случаями изъ судебной практики. Въ 1763 г. въ одной газетѣ появилась анонимная статья, рѣзко нападавшая на правительство. Одинъ изъ министровъ, лордъ Галифаксъ, съ цѣлью разыскать и наказать автора этой статьи издалъ *общее* предписаніе объ обыскѣ и арестѣ сотрудниковъ, типографщиковъ и издателей газеты. На основаніи

этого предписанія было арестовано до 50 лицъ, въ томъ числѣ и нѣкто Вильксъ. Этотъ послѣдній, не видя въ предписаніи своего имени, назвалъ его «страннымъ и смѣшнымъ приказомъ объ арестѣ, направленнымъ противъ всей англійской націи» и отказался повиноваться ему. Не смотря на это, онъ былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Путемъ Habeas Corpus онъ получилъ свободу и привлекъ къ суду помощника министра—Вуда, который приводилъ въ исполненіе приказъ объ арестѣ, и выдавшаго этотъ приказъ министра. И присяжные опредѣлили взыскать въ пользу Вилькса съ Вуда 1000 ф. стер. а съ министра Галифакса 4000 ф. стерлинговъ.

Въ другомъ случаѣ былъ арестованъ по приказу министра одинъ типографскій ученикъ. Черезъ шесть часовъ этого ученика освободили, такъ какъ обнаружилось, что онъ былъ арестованъ по ошибкѣ. И хотя его продержали въ помѣщеніи лучшемъ, чѣмъ то, въ какомъ онъ жилъ, и дали ему пищу лучше той, какой онъ питался обыкновенно, тѣмъ не менѣе онъ возбудилъ противъ министра искъ о неправильномъ заключеніи, и судъ присудилъ этого министра къ уплатѣ ученику 300 ф. ст.—суммы, которую тотъ не заработалъ бы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

А вотъ еще одинъ случай, имѣвшій мѣсто въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Полиція задержала нѣкоего Томпсона, принявъ его за бѣглаго матроса Флойда. Тщетно бѣдняга увѣрялъ, что онъ не Флойдъ, а Томпсонъ; полиція все-таки арестовала его и препроводила на одинъ изъ кораблей, гдѣ онъ и былъ заключенъ, какъ дезертиръ. Черезъ нѣкоторое время Томпсону удалось добыть приказъ Habeas Corpus, которымъ капитану корабля Вудворду предписывалось представить его въ Верховный Судъ вмѣстѣ съ отзывомъ и подлиннымъ приказомъ.

Седьмого іюня 1889 г. Томпсонъ былъ представленъ въ соотвѣтствующее отдѣленіе Верховнаго Суда. Капитанъ не явился, а прислалъ адвоката адмиралтейства. Судьи потребовали у послѣдняго выданный ими приказъ, но адвокатъ

вмѣсто подлинника представилъ копію съ него. Тогда между судьями и адвокатомъ произошелъ такой діалогъ:

«Судья Мэтью. Мы желаемъ получить нашъ приказъ.

Судья Манисти. Вы оказываете неповиновеніе требованіямъ приказа. Вы должны представить документъ вмѣстѣ съ отвѣтомъ. Вы же говорите, что не имѣете приказа и ничего не отвѣчаете: вѣдь это настоящее оскорбленіе суда.

Адвокатъ: Приказа нѣтъ здѣсь.

Судья Мэтью: Мы не можемъ выслушивать подобныя нелѣпости.

Адвокатъ: Я протестую, милорды, противъ употребленія такихъ выраженій.

Судья Мэтью: Долженъ сказать, что я одобряю это выраженіе. Въ самомъ дѣлѣ нелѣпо, что адвокатъ, и притомъ извѣстный адвокатъ, является сюда безъ приказа и отвѣта на него.

Адвокатъ: Я ничего другого не могу сказать.

Судья Мэтью: Вы передаете то, что вамъ сказали. Но вы должны были отвѣтить тѣмъ, кто вамъ сказалъ это, что вы отказываетесь являться сюда, чтобы повторять подобныя нелѣпости.

Судья Манисти: Мы предпишемъ арестовать капитана Вудворда. Намъ необходимо узнать истину. Безполезно являться сюда съ тѣмъ, чтобы заявить, что не знаешь порядковъ; ихъ слѣдуетъ знать и сообразоваться съ ними; въ противномъ случаѣ мы должны назначить строгое наказаніе. Нельзя играть такимъ образомъ съ свободой гражданъ. Мнѣ все равно, на кого падаетъ вина за это: на адмиралтейство, министра внутреннихъ дѣлъ или на какую-либо иную власть, но дѣло въ томъ, что суду не оказали должнаго уваженія.

Судья Мэтью: Я безусловно того-же мнѣнія. Вы забыли, повидимому, тотъ основной принципъ нашей конституціи, что законъ въ нашей странѣ выше всего и что ни

одно должностное лицо не можетъ оправдываться ссылкой на приказаніе высшей власти, какъ бы высока она ни была... Приказу необходимо повиноваться.»

На слѣдующій день капитанъ Вудвордъ былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму; но въ тотъ же день онъ былъ освобожденъ подъ поручительствомъ.

Когда же 21 іюня онъ явился въ судъ, судья Манисти обратился къ нему съ слѣдующимъ поученіемъ:

«Вашъ адвокатъ представилъ намъ почтительныя извиненія и заявилъ, что вы дѣйствовали согласно съ приказаніями вашего начальства. Мы не можемъ принять подобнаго оправданія, мы имѣемъ дѣло только съ Вами... Вы совершили очень серьезный проступокъ, оказавши «презрѣніе къ суду». Приказъ Habeas Corpus одинъ изъ самыхъ священныхъ, какіе только знаетъ законъ; онъ созданъ, чтобы воспрепятствовать всякому произвольному лишенію свободы, и всякій, какое бы высокое положеніе онъ ни занималъ, обязанъ повиноваться приказу... Вы доставили сюда этого человѣка (Томпсона), не объяснивъ намъ, почему вы его подвергли заключенію и не отвѣтивъ на приказъ... Мы должны дать понять, что великому приказу Habeas Corpus должно быть оказываемо полное повиновеніе, въ особенности же должностными лицами. Мы могли бы заключить васъ въ тюрьму но на этотъ разъ мы приговариваемъ васъ только къ уплатѣ штрафа въ размѣрѣ 500 ф. стерлинговъ.»—

Капитанъ Вудвордъ снова началъ увѣрять, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія оказывать неуваженіе правосудію. «Мы вполнѣ этому вѣримъ»,—отвѣтилъ судья Мэтью; въ противномъ случаѣ мы приговорили бы васъ къ тюремному заключенію... Всѣ судебныя издержки уплатитъ осужденный».—

Приведенные казусы какъ нельзя лучше показываютъ, какъ высоко цѣнятъ англійскіе суды свободу и неприкосновенность личности, какъ ревниво охраняютъ они эту свободу отъ малѣшаго посягательства на нее со стороны

администраціи и какъ сурово караютъ они всякаго, позволившаго себѣ такое посягательство.

Врядъ ли нужно доказывать какое благотворное вліяніе оказываетъ разсмотрѣнная система отвѣтственности должностныхъ лицъ на ихъ поведеніе; зная, что имъ придется отвѣчать за малѣйшее нарушеніе закона они всячески стремятся пользоваться своими полномочіями съ должной осмотрительностью, строго придерживаясь при этомъ буквы и духа законовъ. То ли мы видимъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ должностныя лица пользуются привиллегіей безотвѣтственности?..

VI.

Переходя къ разсмотрѣнію другихъ гарантій личной свободы мы остановимся прежде всего на ревизіи тюремъ. Въ каждомъ графствѣ четыре раза въ году собирается съѣздъ мировыхъ судей, предсѣдателемъ котораго назначается обыкновенно членъ Верховнаго суда. Вотъ на этого члена и возлагается между прочимъ обязанность провѣрять списки заключенныхъ въ мѣстной тюрьмѣ; при чемъ, если онъ обнаружитъ, что кто либо содержится противозаконно, то онъ или вполнѣ освобождаетъ его или же отпускаетъ на поруки.

Обезпеченію свободы содѣйствуетъ также предоставленное каждому члену парламента право дѣлать запросъ правительству по поводу не только политики, но и тѣхъ или другихъ злоупотребленій въ управленіи. Такимъ путемъ можетъ быть обращено вниманіе парламента и на произвольное лишеніе свободы. Впрочемъ уже разсмотрѣнныя нами средства прекратить или наказать подобное злоупотребленіе до того дѣйствительны, что до парламента обыкновенно дѣло не доходитъ.

Слѣдуетъ, наконецъ, упомянуть еще объ одной гарантіи личной свободы. Въ противоположность уже разсмотрѣннымъ эта гарантія не носитъ юридическаго, сколько нибудь организованнаго характера, что не мѣшаетъ ей

выполнять свое почетное назначеніе какъ нельзя лучше. Этой гарантіей является полная свобода печати. Благодаря ей создается безпрерывно и неусыпно дѣйствующій контроль надъ дѣятельностью всѣхъ учрежденій и всѣхъ должностныхъ лицъ страны. Контроль этотъ, ничего не стоя казнѣ, оказывается тѣмъ не менѣе во много разъ дѣйствительнѣе какихъ либо ревизій и всякихъ другихъ формъ надзора и контроля. Вскрывая всякаго рода упущенія, ошибки и злоупотребленія должностныхъ лицъ свободная пресса помогаетъ въ то же время потерпѣвшимъ и судамъ привлечь къ законной отвѣтственности виновныхъ. Подобнымъ контролемъ свободная пресса оказываетъ на должностныхъ лицъ крайне благотворное воспитательное вліяніе: они проникаются чувствомъ законности, служебнаго долга и сознаніемъ той отвѣтственности, какая лежитъ на нихъ не только передъ своимъ начальствомъ, но и передъ своими согражданами. Результаты подобнаго воспитательнаго вліянія особенно замѣтны на англійской полиціи. Англійскіе «бобби», т. е. полицейскіе, являются въ буквальномъ смыслѣ «слугами англійскаго общества», и послѣднее отнюдь не питаетъ къ нимъ ненависти или вражды, какъ это бываетъ въ другихъ странахъ Европы, а, наоборотъ, относится къ нимъ съ доброжелательствомъ и уваженіемъ.

Благодаря тому же общественному контролю свободной прессы, публичности и гласности правосудія и англійскіе суды являются въ настоящее время не «львами, охраняющими тронъ отъ нападеній», а независимыми, безпристрастными и нелицепріятными стражами законности и правового порядка.

Такимъ образомъ, свобода печати является какъ бы гарантіей всѣхъ прочихъ гарантій придавая имъ большую жизненность и силу.

Мы разсмотрѣли наиболѣе основныя гарантіи, обезпечивающія свободу и неприкосновенность личности въ Англіи. И тѣмъ не менѣе интересующая насъ тема далеко еще не исчерпана. Необходимо коснуться еще одной сто-

роны его,—выяснить, въ какой степени гарантіи свободы постоянны, какая судьба постигаетъ ихъ во время народныхъ смутъ, волненій и безпорядковъ? Вопросъ далеко не праздный, такъ какъ самый горячій поклонникъ свободы и тотъ, вѣроятно, согласится съ тѣмъ, что разъ идетъ рѣчь о спасеніи и самомъ существованіи государства, правительство должно быть надѣлено всѣми необходимыми для этого спасенія полномочіями. И въ дѣйствительности такъ это и происходитъ.

Напримѣръ, во Франціи, Германіи и многихъ другихъ странахъ во время нападенія врага, внутренняго возстанія или сильныхъ народныхъ волненій, вводится, такъ называемое, осадное положеніе. Сущность его заключается въ томъ, что гражданскіе суды замѣняются, въ болѣе или менѣе значительной степени, военными судами, высшая власть переходитъ отъ гражданской администраціи къ военной, конституціонныя гарантіи пріостанавливаются, и администраціи предоставляются усиленныя полномочія по производству арестовъ, обысковъ, высылокъ и другихъ стѣсненій гражданской свободы. Дѣйствующее въ Россіи Положеніе объ усиленной охранѣ идетъ въ разсматриваемомъ отношеніи еще далѣе осаднаго положенія, надѣляя администрацію почти безграничными полномочіями.

Происходитъ-ли что-нибудь подобное въ Англіи? Нѣтъ. Въ законахъ этой страны нѣтъ и намековъ на осадное положеніе; да и самая-то мысль о подчиненіи гражданской администраціи военной власти и о замѣнѣ, хотя бы даже и частичной, гражданскихъ судовъ военными покажется многимъ англичанамъ въ настоящее время дикой. Пока гражданскіе суды имѣютъ возможность функціонировать обычнымъ образомъ, они, по мнѣнію англійскихъ юристовъ, и должны функціонировать, хотя бы въ страну вторгся непріятель. Военные суды для разбора обычныхъ судебныхъ дѣлъ допускаются въ видѣ неизбѣжнаго суррогата лишь въ томъ случаѣ, если судебныя власти покинули данную мѣстность, вслѣдствіе нашествія непріятеля или

внутренняго мятежа, когда, стало быть, правосудіе *фактически* перестало уже функціонировать; но какъ только эта фактическая возможность наступаетъ, военный судъ долженъ уступить мѣсто гражданскому.

Вотъ почему правосудіе, въ правильномъ отправленіи коего англичане справедливо видятъ главный оплотъ гражданской свободы, ни разу еще въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій не пріостанавливалось. И для борьбы съ внутренними волненіями и безпорядками англичане прибѣгали обыкновенно къ другому средству; они временно,—въ большинствѣ случаевъ, на очень короткій срокъ,—предоставляли правительству усиленныя полномочія по отношенію къ публичнымъ собраніямъ или же по отношенію къ производству арестовъ. Наиболѣе часто надѣлялось правительство полномочіями послѣдняго рода, что дѣлалось путемъ такъ называемой пріостановки Habeas Corpus Act'a. Въ чемъ же состоитъ эта мѣра?

Въ противность своему общепринятому названію, разсматриваемая мѣра состоитъ въ пріостановкѣ лишь одной статьи Habeas Corpus Act'a,—той статьи, которая предоставляетъ лицамъ, обвиняемымъ въ государственной измѣнѣ, право быть судимымъ въ теченіе опредѣленнаго срока. Актъ о пріостановкѣ Habeas Corpus лишаетъ упомянутыхъ лицъ указаннаго права и предоставляетъ администраціи возможность содержать ихъ въ заключеніи, не предавая суду, въ теченіе всего того періода, пока дѣйствуетъ актъ о пріостановкѣ. Такимъ образомъ, актъ о пріостановкѣ, несомнѣнно, уменьшаетъ ту обезпеченность права личной свободы, которую даютъ акты Habeas Corpus; но въ то же время,—какъ замѣчаетъ справедливо Дайси,—этотъ актъ нисколько не касается привиллегій лицъ, заключенныхъ не по обвиненію въ государственной измѣнѣ; имъ не узаконяется арестъ, заключеніе въ тюрьму или наказаніе, которые были незаконны до изданія акта о пріостановкѣ. Но что особенно важно, актъ о пріостановкѣ, *самъ по себѣ*, отнюдь не освобождаетъ администрацію отъ судебной от-

вѣтственности за противозаконныя и неправильныя дѣйствія.

Вотъ почему во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда пріостанавливался Habeas Corpus Act, правительство до истеченія срока пріостановки, предлагало парламенту издать такъ называемый актъ объ амнистіи, которымъ администрація освобождалась бы отъ отвѣтственности за такія дѣйствія, которыя, можетъ быть, съ формальной точки зрѣнія и являлись нарушеніями закона, но въ сущности совершены были въ интересахъ государственной безопасности.

Врядъ-ли нужно доказывать, какой широкій просторъ для административнаго произвола открывало бы изданіе акта объ амнистіи, если бы оно всегда и непремѣнно сопровождало пріостановку Habeas Corpus Act'а. Но въ томъ-то и дѣло, что эта послѣдняя отнюдь не всегда сопровождалась изданіемъ акта объ амнистіи. Съ другой стороны администрація превосходно знаетъ, что принятію этого акта всегда предшествуетъ публичное обсужденіе и разслѣдованіе парламентомъ всѣхъ ея дѣйствій, предпринятыхъ на основаніи акта о пріостановкѣ Habeas Corpus. И почти всегда это разслѣдованіе производилось весьма тщательно особыми парламентскими комиссіями, и актъ объ амнистіи принимался лишь въ томъ случаѣ, если парламентъ убѣждался, что администрація пользовалась исключительными полномочіями «съ должной умѣренностью и осторожностью», «съ умѣренностью и снисходительностью». Въ тѣхъ же случаяхъ, когда при арестахъ примѣнялась «ненужная жестокость или суровость», или администрація позволяла себѣ злоупотребленія, актъ объ амнистіи не издавался или же не распространялся на подобныя дѣйствія администраціи. Въ такихъ случаяхъ пострадавшіе обращались въ судъ, и тотъ всегда оказывался на высотѣ своего положенія.

Вполнѣ естественно, что перспектива подобнаго парламентскаго разслѣдованія не можетъ, конечно, не являться для администраціи весьма существенною сдержкой въ

возможномъ стремленіи пользоваться своими полномочіями легкомысленно или опрометчиво. Подобнымъ же сдерживающимъ образомъ долженъ вліять контроль независимыхъ судовъ, которымъ, въ концѣ-концовъ, приходится рѣшать дѣла о лицахъ, задержанныхъ администраціей, а равно толковать актъ объ амнистіи, рѣшая, подходитъ-ли подъ него то или другое дѣйствіе администраціи. Объ этомъ вліяніи судовъ на дѣйствія администраціи можно судить по слѣдующему казусу. Въ 1794 г. правительство возбудило противъ нѣсколькихъ лицъ обвиненіе въ составленіи заговора съ цѣлью возбудить возстаніе, низложить и умертвить короля и перевернуть весь существующій строй. Обвинительная власть постаралась обставить это обвиненіе цѣлымъ рядомъ данныхъ. Но увы! Присяжные не нашли возможнымъ признать существованіе заговора въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя представляли собою лишь «рѣзкія проявленія вполнѣ законныхъ стремленій къ реформѣ, и которыя могли быть признаны измѣною только при черезчуръ распространительномъ толкованіи понятія государственной измѣны». Нужно-ли еще доказывать, въ какой степени подобные приговоры охлаждаютъ не въ мѣру ретивыхъ администраторовъ, побуждая ихъ болѣе умѣренно пользоваться своими чрезвычайными полномочіями.

Еще болѣе сдерживающимъ образомъ вліяетъ на администрацію неусыпный контроль общественнаго мнѣнія, находящаго себѣ полное выраженіе въ свободѣ печати. Значеніе свободы печати въ данномъ случаѣ мѣтко охарактеризовалъ французскій писатель Бенжаменъ Констанъ. «Изъ всѣхъ видовъ свободы,—говоритъ онъ,—свобода печати, быть можетъ—единственная, которую необходимо не пріостанавливать никогда, такъ какъ она есть гарантія всѣхъ другихъ видовъ свободы. Если вы пріостановите Habeas Corpus и сохраните свободу печати, эта послѣдняя поможетъ вамъ пресѣчь злоупотребленія, какъ возможный результатъ пріостановки Habeas Corpus. Но если вы пріостановите свободу печати, Habeas Corpus станетъ очень мало надежною

опорою противъ произвола, ибо въ такомъ случаѣ будетъ гораздо труднѣе узнать, не нарушается-ли эта гарантія. Такимъ образомъ, даже во времена внутреннихъ смутъ и народныхъ волненій ослабляется отчасти лишь одна гарантія личной свободы, остальныя же всѣ остаются неприкосновенными; соотвѣтственно съ этимъ и полномочія администраціи усиливаются сравнительно не въ сильной степени, при чемъ пользованіе ими обставляется такими условіями, которыя побуждаютъ администрацію придерживаться въ своихъ дѣйствіяхъ законности, умѣренности и осмотрительности.

Какими скромными и пустяшными могутъ показаться эти усиленныя полномочія французской или нашей администраціи! Да и одной-ли администраціи? Навѣрное и значительная часть русскаго общества найдетъ эти полномочія недостаточными для борьбы съ крамолой.

Не такъ смотрѣло на пріостановку Habeas Corpus Act'a англійское общество. Сколько усилій приходилось затрачивать правительству каждый разъ, когда оно старалось убѣдить парламентъ въ необходимости этой мѣры! И сколько разъ парламентъ отказывалъ правительству или надѣлялъ его значительно меньшими полномочіями и на меньшій срокъ, чѣмъ оно просило! Въ довершеніе всего парламентъ совершенно отказался отъ утвержденія чрезвычайныхъ мѣръ. Въ 1818 году истекъ срокъ *послѣдней* пріостановки Habeas Corpus Act'a, а въ 1825 году истекъ срокъ послѣднимъ ограничительнымъ мѣрамъ противъ публичныхъ собраній. И съ тѣхъ поръ гражданская свобода во всѣхъ ея проявленіяхъ никакимъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ не подвергалась, хотя и политическая агитація и рабочее движеніе охватывали временами всю страну и принимали весьма острый характеръ.

Такимъ образомъ, вотъ уже около ста лѣтъ, какъ разсмотрѣнныя нами гарантіи личной свободы незыблемо выполняютъ свое высокое назначеніе. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ сколько-нибудь серьезныя и преступ-

ныя покушенія на личную свободу совершенно исчезли изъ судебной практики; число же болѣе мелкихъ и формальныхъ нарушеній ея значительно сократилось. Со времени изданія Habeas Corpus Act'a, напримѣръ, не было ни одного случая какого-либо предосудительнаго промедленія или нежеланія со стороны судей верховнаго суда быстро выполнить всякое законное требованіе о выдачѣ приказа Habeas Corpus. Да и самыхъ этихъ требованій въ настоящее время поступаетъ очень и даже очень мало. Въ 1891 году, напримѣръ, поступило въ верховный судъ всего 28 требованій о выдачѣ приказа Habeas Corpus, въ 1896 г.— 31. Въ сравненіи съ числомъ арестуемыхъ въ теченіе года приведенныя цифры представляютъ собой каплю въ морѣ. Столь незначительное количество требованій о выдачѣ приказа Habeas Corpus объясняется, конечно, отнюдь не формальностями, какими обставлена подача требованій. Формальности эти, какъ мы видѣли, ничтожны. Нельзя также объяснять интересующее насъ явленіе незнакомствомъ простого народа съ существованіемъ и содержаніемъ процедуры Habeas Corpus. Уже въ начальной школѣ каждый англичанинъ получаетъ ясное понятіе, что представляетъ изъ себя «Библія англійской конституціи», въ которую входитъ на ряду съ Великой Хартіей вольностей, Петиціей Права и Habeas Corpus Act. Нѣтъ, незначительное количество требованій о выдачѣ всѣмъ извѣстнаго приказа объясняется совсѣмъ иначе, а именно тѣмъ, что не только суды, но и администрація проникліись духомъ законности и прибѣгаютъ къ лишенію свободы лишь при наличности тѣхъ условій, которыя строго и точно установлены закономъ. А прибѣгать къ защитѣ Habeas Corpus лицамъ, арестованнымъ на законномъ основаніи, нѣтъ никакого расчета, такъ какъ свободы они этимъ путемъ все равно не добьются, а свое дѣло могутъ затянуть. Такимъ образомъ, рѣдкое примѣненіе Habeas Corpus Act'a объясняется по-просту тѣмъ, что свобода и неприкосновенность личности получили въ Англіи столь прочное обезпеченіе,

какое только мыслимо въ дѣлѣ рукъ человѣческихъ. Этотъ завидный результатъ былъ достигнутъ благодаря, прежде всего, тому, что всѣ дѣйствія англійской администраціи находятся подъ контролемъ компетентныхъ, независимыхъ и безпристрастныхъ органовъ правосудія, которымъ предоставлено право провѣрять законность какъ первоначальнаго, такъ и дальнѣйшаго заключенія, освобождать на поруки или совсѣмъ лицъ, незаконно лишенныхъ свободы, и привлекать къ строгой отвѣтственности виновныхъ. Въ чрезвычайныхъ же случаяхъ дѣйствія администраціи подвергаются контролю и парламента. Но и дѣятельность органовъ судебной власти не остается безъ контроля. Помимо контроля верховнаго суда надъ всѣми низшими судебными инстанціями, дѣятельность всѣхъ судовъ въ Англіи подвергается, наряду съ дѣятельностью администраціи, неусыпному и независимому контролю общественнаго мнѣнія въ лицѣ свободной прессы. Но всѣ эти условія могли, конечно, создаться и укрѣпиться лишь законодательнымъ путемъ, и въ историческомъ очеркѣ было показано, что упомянутыя благопріятныя для личной свободы условія создавались постепенно въ теченіе многихъ вѣковъ, по мѣрѣ того, какъ народъ пріобрѣталъ все большее и большее вліяніе на изданіе законовъ, пока, наконецъ, это вліяніе не вылилось въ постоянно и правильно функціонирующее народное представительство.

Вотъ, стало быть, какимъ путемъ и при помощи какихъ средствъ удалось англичанамъ добиться такого обезпеченія личной свободы, о какомъ другія націи пока лишь мечтаютъ:

VII.

Въ заключеніе настоящаго очерка необходимо коснуться еще одной стороны изслѣдуемаго нами вопроса.

Намъ могутъ замѣтить: да, свобода личности обезпечена въ Англіи какъ нельзя лучше; но не достигнутъ ли этотъ результатъ въ ущербъ общественной и государствен-

ной безопасности. Можетъ ли англійская администрація успѣшно предупреждать преступленія и опасности грозящія, какъ частнымъ лицамъ, такъ и самому государству, разъ полномочія ея такъ ограничены, а дѣятельность поставлена въ строгую зависимость отъ закона и подъ контроль судовъ?

Попробуемъ разобраться во всѣхъ этихъ вопросахъ. Прежде всего напомнимъ, что англійское право допускаетъ примѣненіе ареста въ довольно широкихъ размѣрахъ, предоставляя это право во многихъ случаяхъ даже и частнымъ лицамъ, что наблюдается въ другихъ странахъ въ гораздо меньшей степени. Но это право ареста распространяется въ сущности лишь на двѣ категоріи лицъ: на тѣхъ, которыя застигнуты на мѣстѣ преступленія и на такихъ, по отношенію къ которымъ полиція имѣетъ разумное основаніе подозрѣвать, что они *совершили* преступленіе. По отношенію же къ такимъ личностямъ, которыя только замышляютъ совершить преступленіе или представляются полиціи опасными и подозрительными, она, въ общемъ, совершенно безоружна. Англійская полиція не можетъ, напримѣръ, арестовать лицо, которое, представляется ей вреднымъ для государственнаго или общественнаго спокойствія или политически-неблагонадежнымъ, если только эта неблагонадежность или «злонамѣренность» не проявилась въ какихъ-либо незаконныхъ и преступныхъ дѣйствіяхъ. Мало того—если полиція имѣетъ даже самыя достовѣрныя свѣдѣнія, что такой то субъектъ распространяетъ всюду республиканскія или соціалистическія теоріи, или даже является крайнимъ анархистомъ, то и въ такомъ случаѣ она не можетъ арестовать это лицо, разъ его «злонамѣренность» не проявляется въ какихъ либо *преступныхъ дѣйствіяхъ*.

Такимъ образомъ, предотвращать сколько нибудь отдаленныя опасности англійская полиція дѣйствительно не можетъ.

Не подлежитъ также сомнѣнію, что это безсиліе поли-

ціи объясняется, главнымъ образомъ, стремленіемъ англичанъ оградить личную свободу отъ административнаго произвола.

Наученный горькимъ опытомъ англійскій народъ хорошо понимаетъ, что «злонамѣренность»—понятіе крайне растяжимое и неопредѣленное, и что «злонамѣренными», измѣнниками и внутренними врагами правительство объявляло раньше всѣхъ тѣхъ дѣятелей, которые отстаивали и боролись за права и вольности народа.

Вотъ главная причина, которая побудила англичанъ лишить полицію права арестовывать лицъ опасныхъ и политически неблагонадежныхъ.

Но при этомъ англичане руководствовались также интересами государства, понимая только ихъ шире и правильнѣе, чѣмъ тѣ близорукіе политики, отождествляющіе ихъ съ интересами правительства. Англичане исходили изъ той простой истины, что предупредительныя полицейскія мѣры, покоящіяся на дискреціонныхъ полномочіяхъ, *) носятъ всегда обоюдо острый характеръ; предотвращая въ нѣкоторыхъ случаяхъ одну опасность, эти мѣры вызываютъ въ то же время другую нерѣдко болѣе грозную опасность, открывая широкій просторъ для произвола и злоупотребленій; а это въ свою очередь въ обществѣ вызываетъ озлобленіе и недовольство, которое можетъ повести къ волненіямъ, безпорядкамъ и даже къ возстанію.

Съ другой стороны разсматриваемыя полицейскія мѣры не достигаютъ, въ сущности, своей конечной цѣли: онѣ въ лучшемъ случаѣ, подавляютъ лишь внѣшнія проявленія «злонамѣренности» но не устраняютъ самой этой злонамѣрености, вызываемой обыкновенно крупными недостатками политическаго или экономическаго строя; и въ результатѣ злонамѣренность скрывается вглубь, при-

*) Дискреціонныя полномочія—такія полномочія, границы и предѣлы которыхъ точно не установлены, и которыя потому открываютъ широкій просторъ личному усмотрѣнію того органа власти, коему предоставлены.

нимая тайный, болѣе крайній, а стало быть и болѣе опасный характеръ.

Не достигая своей цѣли полицейская борьба съ всякого рода «злонамѣренностью» не можетъ быть оправдана и правильно понятыми интересами государства.

Въ самомъ дѣлѣ, подъ «злонамѣренность» администрація склонна подводить всякія стремленія, направленныя къ реформѣ существующаго строя. Но вѣдь политическія формы государственнаго строя не являются разъ навсегда установившимися и неизмѣнными; наоборотъ историческій опытъ всѣхъ странъ, въ томъ числѣ и Англіи, съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ, что политическій строй измѣняется по мѣрѣ того, какъ въ общественныхъ классахъ пробуждается стремленіе принять участіе въ обсужденіи и рѣшеніи судебъ родной страны.

И подобного рода, вполнѣ естественныя стремленія имѣютъ несомнѣнно отнюдь не меньшее право на существованіе и осуществленіе, чѣмъ стремленіе лицъ, власть имѣющихъ, сохранить существующій строй неизмѣннымъ. И утверждать, что однимъ лицамъ предназначено свыше властвовать, другимъ повиноваться, или же что только такимъ то лицамъ предназначено властвовать, а не другимъ, значитъ—не только игнорировать историческій опытъ, но и брать на себя роль провидѣнія.

Вотъ почему и преслѣдованіе и недопущеніе всякихъ стремленій къ политическимъ реформамъ не можетъ быть оправдано интересами государства. Эти интересы требуютъ лишь одного; чтобы подобнаго рода стремленія не носили насильственнаго и преступнаго характера, а это мыслимо лишь въ томъ случаѣ, если за ними будетъ признано право какъ на существованіе, такъ и на дальнѣйшее развитіе, и если этому развитію будутъ открыты мирные и законные пути. При полномъ и послѣдовательномъ осуществленіи этихъ условій всѣмъ недовольнымъ существующимъ строемъ не будетъ никакого расчета прибѣгать къ революціоннымъ средствамъ для осуществленія желанныхъ

реформъ, такъ какъ, разъ этимъ реформамъ сочувствуетъ большинство населенія, онѣ могутъ быть осуществлены мирнымъ и законнымъ путемъ; въ противномъ же случаѣ, если большинство населенія противъ этихъ реформъ, то все равно онѣ не будутъ осуществлены, и насильственный путь въ такомъ случаѣ не только не ускоритъ осуществленія ихъ но, наоборотъ, скомпрометируетъ и осудитъ ихъ вмѣстѣ съ тѣми лицами, которыя прибѣгли къ насилію, и преступленію, когда имѣли полную возможность добиваться реформъ мирнымъ и законнымъ путемъ.

Вотъ почему англичане не только не преслѣдуютъ представителей крайнихъ политическихъ теорій но, наоборотъ, представляютъ этимъ лицамъ полную свободу пропагандировать и даже, добиваться осуществленія ихъ, при помощи, конечно, мирныхъ и законныхъ средствъ.

А средства эти крайне разнообразны и доступны. Прежде всего почти каждый плательщикъ налоговъ имѣетъ право избирать и быть избраннымъ въ парламентъ и такимъ путемъ оказывать вліяніе на судьбы своей родины. Еще большему кругу населенія открытъ доступъ въ разныя отрасли мѣстнаго самоуправленія.

Наконецъ, полная свобода печати, публичныхъ собраній и союзовъ предоставляетъ возможность уже рѣшительно каждому распространять какіе угодно теоріи и вербовать себѣ сторонниковъ для ихъ осуществленія.

Вотъ тѣ основанія и мотивы, въ силу которыхъ англичане лишаютъ свою администрацію возможности предупредить опасности съ помощью разнаго рода полицейскихъ мѣръ. Но, можетъ быть, насъ спросятъ: оправдываются ли въ дѣйствительности расчеты англичанъ, что говорятъ на этотъ счетъ факты и явленія общественной и политической жизни?

Обращаясь къ этимъ фактамъ и явленіямъ мы должны прежде всего отмѣтить, что преступность и рецидивъ *) раз-

*) Повтореніе преступленія лицомъ, уже осужденнымъ однажды за совершеніе того или другого преступленія.

виты въ Англіи отнюдь не въ большей, а наоборотъ, въ гораздо меньшей степени, чѣмъ во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ, гдѣ полиціи предоставлены значительныя полномочія по предупрежденію преступленій.

Политическихъ же преступленій и процессовъ въ Англіи почти что и совсѣмъ не бываетъ; что же касается до такихъ политическихъ убійствъ, какія имѣли мѣсто за послѣднія двадцать лѣтъ во Франціи, Италіи, не говоря уже о Россіи, въ Англіи совершенно немыслимы.

Наконецъ, въ Англіи съ 1688 г. не было никакой революціи; да и «достословная революція» 1688 г. обошлась безъ пролитія крови.

Вотъ несомнѣнные факты и явленія, поучительность которыхъ врядъ ли можно отрицать. Объяснять ихъ только тѣмъ, что англичане отличаются флегматическимъ характеромъ, а политическій строй Англіи достигъ уже въ XVIII вѣкѣ такой степени совершенства, что устранялъ поводы къ сколько-нибудь острому недовольству, никоимъ образомъ нельзя. Разсудочный темпераментъ не мѣшалъ англичанамъ поднимать возстанія, когда иного пути для обезпеченія своихъ вольностей не было. Съ другой стороны и политическій строй Англіи былъ въ XVIII в. далекъ отъ совершенства, устраняя отъ участія въ политической жизни часть землевладѣльческаго класса и почти совершенно торгово-промышленные и рабочіе классы. И уже въ концѣ XVIII в. мы наблюдаемъ въ Англіи сильную политическую агитацію съ цѣлью добиться болѣе справедливой и демократической избирательной реформы. Борьба за эту реформу велась вплоть до 1832 г., и приняла подъ конецъ крайне страстный характеръ, охвативъ рѣшительно всю страну. И если дѣло не дошло до революціи, то благодаря лишь тому, что стремленія къ реформѣ находили мирный и законный исходъ въ свободѣ печати и публичныхъ собраній. Теперь же съ предоставленіемъ избирательныхъ правъ всѣмъ классамъ населенія эта возможность добиваться осуществленія своихъ цѣлей мирнымъ законнымъ путемъ

увеличилась еще въ большей степени, дѣлая революціонный путь совершенно излишнимъ и безцѣльнымъ.

Въ качествѣ иллюстраціи ко всѣмъ приведеннымъ разсужденіямъ приведу еще одинъ крайне характерный фактъ. Въ Англіи имѣется особое политическое общество т. н. «ложа якобитовъ», которая не признаетъ королемъ «господина, именующаго себя Эдуардомъ VII», а законной королевой Англіи считаетъ Марію-Терезію Моденскую, жену кронпринца Людовика Баварскаго, представительницу династіи Стюартовъ. И эти «внутренніе враги» отнюдь не скрываются; наоборотъ они издаютъ журналъ *Якобитъ*, въ которомъ доказывается, что всѣ права на британскій престолъ принадлежитъ Стюартамъ; не довольствуясь этимъ якобиты устраиваютъ разнаго рода манифестаціи и процессіи. И полиція это допускаетъ?! Да, допускаетъ и не только не преслѣдутъ этихъ «внутреннихъ враговъ» но во время подобныхъ процессій оказываетъ имъ такое же содѣйствіе по охраненію порядка, какъ и всякаго рода другимъ процессіямъ. Ложа якобитовъ существуетъ, и политическій строй Англіи остается непоколебимымъ, да и современная династія преблагополучно царствуетъ. Не доказываетъ ли этотъ одинъ фактъ, что законность, гражданская и политическая свобода лучше охраняютъ существующій строй отъ всякихъ насильственныхъ потрясеній и покушеній, чѣмъ полиція и войско.

«Гдѣ рабство, тамъ бунтъ и бѣда
Защита отъ бунта—свобода!»

Такимъ образомъ, англичанамъ удалось не только обезпечить личную свободу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и примирить ея интересы съ интересами правового порядка и безопасности.